

ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА В ДОРОГУ

Александр
Петров

МИССИОНЕР

Это о тебе, о твоей жизни

Александр Петров

Миссионер

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300665

Миссионер:

Аннотация

Главный герой повести «Миссионер» Андрей Ильин – наш современник, «парень из соседнего дома». Внешне немного суровый, но необычайно добрый человек. Его миссия – помогать людям. Приёмы, которыми он пользуется, доступны любому. Это так просто! Но и уникально, ибо он всё делает... с любовью, которая во все времена была насколько притягательна, настолько и дефицитна.

Почему этому простому парню удаётся из любой ситуации выходить победителем? Почему тянутся к нему разные люди – от государственных мужей до бандитов и проституток? Почему люди от соприкосновения с ним становятся лучше, чище, радостней, наконец? Откуда в них появляется уверенность в будущем? И куда девается обычный страх?

Просто наш «миссионер» Андрей сумел обрести непостижимую, чудную, живую любовь. И щедро делится этим бесценным даром с людьми.

Содержание

Света	14
Юрий	19
Валера	24
Света	33
Ближе к церкви	35
Владимир Иванович	43
Маша	47
Гость из прошлого	53
Дача	65
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Петров

Миссионер

«Оставайся пока в миру, Андрюша, там твой путь.» Такие слова старца звучали в его голове снова и снова. Это был приговор. Все равно, что в день освобождения получить продление срока. Но слово сказано, теперь необходимо ему подчиняться.

Бессонная ночь, проведенная на верхней полке под перестук колес, совсем не сказалась на его утреннем самочувствии. На московскую платформу Андрей Ильин ступил бодрым и спокойным. Он все для себя решил.

Встречные потоки пассажиров смешались, и на платформе образовалась обычная суетолака. Попутчиков Андрея толкали плечами и пинали сумками, но самого Андрея толпа обтекала, ни разу не тронув.

Чем это вызвано? То ли его мощным пружинистым торсом, то ли уверенной неспешной походкой, то ли пронизывающим взглядом серо-голубых глаз... Вьющиеся спутанные светло-русые волосы его, трехдневная щетина и ироническая улыбка жесткого волевого рта вносили еще большую сумятицу в упражнения физиономистов, пытавшихся дать ему психологическую характеристику. Такой человек может быть очень опасным врагом, другом же... нет, скорее, такие друзей не ищут, такие орлы летают в одиночку. Хотя... и не

нам с вами одним приходилось ошибаться, глядя на такие лица.

Дома он поставил чайник на плиту и прочел сообщения пейджера. Бригадир «гвардии» уже требовал его на объект. Он принял холодный душ, побрился и сел за стол выпить крепкого чая.

Постучала в дверь и вошла соседка Света, женщина неопределенного возраста и поведения. За пару минут она успела выложить, что прогнала мужа-пьяницу, уволилась с работы, осталась без денег и теперь намерена тосковать. Андрей сказал, что сейчас он уезжает на работу, и предложил ей зайти вечером для более обстоятельной беседы. На прощанье Света обнажила в улыбке редкие зубы и призналась, что рада его возвращению, на что она уже и не надеялась. «С чего это вдруг не надеялась?» – поднял он на нее глаза, но та уже упорхнула.

Пока электричка вяло тащилась до станции Кратово, Андрей задремал и снова вернулся в то переломное для себя время, когда все началось...

Бабуля, его любимая бабуленька, самый близкий ему человек, вдруг тяжело заболела. Когда он приехал к ней домой в старый арбатский дворик, она рассказала своему любимому внучку о тайне, которую хранила долгие годы.

Оказывается, Елизавета Андроновна, старая учительница, потомственная интеллигентка, тончайший человек с

классическим образованием и энциклопедическими знаниями, почти всю жизнь скрывала, что она была верующая.

Андрей, пораженный, сторбившись сидел у бабушкиной кровати и никак не мог понять, как же это все совместимо! С детства ему родители и учителя внушали, что религия – это удел людей темных и необразованных, это опиум для народа...

И вдруг оказалось, что эта женщина, знавшая буквально все, о чем ни спросишь, культурный и тонкий человек, втайне от всех постоянно ходила в церковь. Никогда она не говорила об этом никому, даже ему, своему любимцу, самому близкому человеку...

Бабушка долго говорила о Боге, о своей вине перед внуком и детьми. И все просила прощения. И умоляла привести священника – отца Владимира из храма Иерусалимского подворья, чтобы исповедаться и причаститься.

Андрей не посмел послушаться бабушку, разыскал это подворье, расспросил, как найти отца Владимира. На следующий день привел седенького старичка в средневековой одежде к бабушке домой. Всю дорогу они молчали, Андрей не знал, о чем и как с ним говорить. Идти рядом с попом в его странном облачении было стыдно, на них озирались, за спинами шушукались...

Дома у бабушки отец Владимир долго выслушивал исповедь, читал молитвы и еще что-то делал непонятное. Но вот когда он ушел, бабушка будто засияла от счастья несмотря

на свои тающие силы.

Она попросила достать из резного дубового комода старенький молитвослов, пометила несколько молитв, канонов, показала псалмы и просила Андрея их читать. Вот тогда он и понял, что такое молитва. Всю ночь он сидел у изголовья умирающей бабушки и читал вполголоса молитвослов. Сначала все это его раздражало, но потом тоска и раздражение исчезли и на их место в душу пришли покой и редко его посещавшее чувство своей правоты. Бабушка то впадала в забытие, то снова открывала глаза, но на ее даже сейчас красивом лице теплилась благодарная улыбка.

На следующий день с утра наехали родители и брат, заходили бабушкины подруги, соседки. Андрей уехал домой, где его заждалась Лена.

Жена сначала набросилась на него с упреками, ее красивое лицо исказила злобная гримаса, но, услышав о тяжелой болезни бабушки, на время ревниво отступила.

Он при первом же удобном случае заперся в комнате, оборудованной под кабинет, снова достал молитвослов. И снова ощутил он, как молитвы очищают его от суетливой шелухи и настраивают на самое главное – подготовку к страшному, но неизбежному.

Вскоре бабушка умерла. Родное лицо ее в гробу поразило своей отстраненной просветленностью. На кладбище во время скромной церемонии похорон в просиневшем на время небе кружились белые голуби. Впервые в жизни во время

похорон Андрей вместо обычной щемящей тоски чувствовал покой и тихую радость.

Следующим утром Андрей отправился в церковь к отцу Владимиру. Шла воскресная служба, и пришлось подождать. Он с трудом понимал происходившее, но служба ему, как ни странно, понравилась, и он снова испытал состояние душевного подъема. Отец Владимир после окончания службы сам подошел к Андрею и говорил с ним удивительно мягко. Андрей пришел посоветоваться со священником, как ему лучше себя вести после смерти бабушки и как за нее молиться.

Спустя несколько месяцев он потерял сначала жену, а потом и родителей. Они продолжали жить и здравствовать, но все отношения с Андреем прервали, объявив психом. После развода и размена ему досталась комната в коммуналке, свобода молиться и беспрепятственно посещать храм.

Следом за ним в храм пришли и все «гвардейцы», один за другим. Не сразу, конечно...

На объекте на Андрея набросился «менеджер» Пал Трепалыч:

– Где тебя носит? Сегодня приедет хозяин, вопросы, наверное, задавать будет.

– А ты на что? У тебя только и дел, что следить и докладывать.

– Да будто я чего понимаю в вашем строительстве. А твои «гвардейцы» даже головы от работы не поднимут.

«Гвардией» Андрей называл свою бригаду не зря. Как в гвардейских частях собираются отборные силы, так и в этой бригаде работали отобранные путем долгих испытаний инженеры и офицеры, вышедшие в отставку. Люди немногословные, работали они от зари до зари почти без перерывов. На качество и аккуратность обращали особое внимание. Андрей тоже некоторое время работал с ними на равных, но потом ушел на свое дело. Когда его неудачная попытка крупно заработать провалилась, едва не стоив ему жизни, бригада снова пригласила его, но уже в качестве прораба. Обязанности Андрея не тяготили его, потому что ни дефицита материалов, ни трудностей с поиском новых объектов не было. Но бригаде нужен был такой человек, чтобы не отвлекаться от работы.

На первую встречу три месяца назад хозяин заявился в окружении массивных телохранителей, на трех черных джипах размером с самосвал. Подошел вразвалку к Андрею и гнусаво заявил:

– Значит так, мальчик, плачу вдвое от сметы, но если через два месяца дом не будет построен, ваши уши будут болтаться на вон той березе.

Андрей уже встречался с такими «деловыми» и знал, что говорить с ними надо так, чтобы с первого слова суметь заставить себя уважать, при этом держа на дистанции и контролируя каждую фразу, так как ловить на неосторожно оброненном слове – этому учат даже начинающих. Он почув-

ствовал, что страх кольнул-таки его острой занозой, но весь собрался, самоотстранился, вспомнил слова апостола: «Если с нами Бог, то кто против нас?» Рука в кармане легла на теплые деревянные четки, и потекла Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного...»

– Значит так, – спокойно глядя хозяину в глаза, сказал Андрей, – наша бригада отвечает за качество работ. По технологии положено строить такой дом четыре месяца, вот за это время мы его и построим. Даже при всем уважении к вам бетон не наберет необходимую прочность раньше проектного времени. А что касается наших ушей, то мы уже и пуганые и стреляные, и правила игры знаем, так что если наши условия вам не нравятся, поищите других.

– Ну что за молодежь пошла! Никакого почтения ни к сединам, ни к моим двадцати четырем годам зоны. Ладно, Андрей, я про вас уже все знаю, поэтому работайте спокойно. Как и сказал, плачу две сметы. Для связи со мной поставлю вам своего друга Пал Палыча. Будет здесь у вас...гм... менеджером.

С тех пор хозяин приезжал только пару раз, буквально на минуту, удовлетворенно хмыкал, спрашивал что нужно, давал денег и уезжал.

Отношения их перешли в русло взаимного уважения и невмешательства. Но Андрей все же держался с заказчиком подчеркнуто вежливо, холодно и даже сурово.

На этот раз визит оказался необычным. Громадное тело

хозяина никто не охранял, он никуда не спешил. Выглядел усталым и больным. Перекинулся несколькими словами с Пал Трепалычем и отозвал в сторону Андрея.

– Что, «наехали», Владимир Иванович? – скорее констатировал, чем спросил Андрей.

– Я еще в первый раз заметил, что у тебя глаз, как у следователя, – будто насквозь видит. Да, Андрюха, крепко обложили.

– За кордон махнете, или воевать будете?

– Нельзя мне за кордон.

– Кровь будете проливать?

– Не хочу я этого, – хозяин опустил на глаза набрякшие веки. – Они сами напрашиваются. Думал, на старости лет отмолю грехи, поживу в мире и покое. Деньги честно стал зарабатывать. Меня партнеры, даже английские, уважают за честный бизнес и надежность. Я ведь почему вашу «гвардию» выбрал? Мне сказали, что вы по вере живете. Так, может, что посоветуешь? Не идти же к попу? Он же меня не поймет.

– Это вы напрасно, Владимир Иванович. Вряд ли вы своими вопросами священника испугаете. К ним приходят и с более серьезным.

– А что может быть серьезней крови?

– Причина, которая до крови доводит. В данном случае, я думаю, сребролюбие?

– Дело не столько в деньгах. Ненавидят нас эти зверьки,

Андрюха, и наши законы презирают. Может быть, законы у нас – и не римское право, конечно, но все же беспредел как-то сдерживают. Даже милиция их уважает.

– Значит, вы считаете, что правда на вашей стороне?

– Да. Иначе бы я к тебе не обратился. Какие тут шутки? Себе дороже.

– Тогда и я сейчас серьезно говорить буду. И сделать вам желательно все так, как я скажу. Вы готовы?

– Говори. Сделаю, как скажешь, – хозяин устало кивнул коротко стриженной сединой и вздохнул.

– Во-первых, приготовьтесь расстаться со всем, что у вас есть. С жизнью тоже. Если за правду... Побеждают только в таком состоянии. Во-вторых, полностью положитесь на волю Божью, а о своей забудьте. Затем надо, чтобы все ваши родственники и друзья пошли в храмы и поставили свечи за ваше здравие к иконам Иисуса Христа, Божьей Матери, Николая Чудотворца. Пусть закажут молебны Пресвятой Богородице и сорокоусты. Вам самому необходимо прийти в храм, принести жертву, исповедаться. Лучше для этого выбрать храм небогатый, даже бедный. Мы с ребятами тоже будем за вас молиться.

– Ты считаешь, что этого достаточно?

– Если все это будет сделано искренне, то – вполне.

– Ты сказал: принести жертву. Какую? Деньги, что ли?

– Деньги – всегда соблазн. Лучше закупите храму то, что им нужно из стройматериалов, инвентаря. Словом, что ска-

жет батюшка. Денег немного тоже можно дать, батюшки ведь живут очень бедно, а семьи у них обычно многодетные.

– Хорошо, сделаю, как говоришь. Вижу, знаешь дело. Если ко мне вопросов нет, поеду. Смотрю, дела идут у вас хорошо.

– Нормально.

Когда хозяин уехал, Пал Трепалыч заискивающе обратился к Андрею:

– Ну, что, не ругался?

– Да нет, спрашивал: нужен ты мне или уже надоел?

– И что ты ответил? – склонил тот свою загоревшую лысину еще ниже.

– Сказал, что пока не пристаешь, терпеть можно.

Андрей подошел к бригаде. «Гвардейцы» продолжали монтаж стеновых панелей, только темп временно снизили.

– Молитесь, братья, за здоровье раба Божия Владимира. Плохо ему...

Света

Вечером Андрей прошелся по магазинам, заполнил пустое нутро холодильника свертками и банками с разноцветными этикетками. На кухне поставил на огонь сковороду, высыпал туда из пакета резаную картошку и брикет рыбного филе, посолил и полил майонезом. Пока он производил эту процедуру, за ним саркастически наблюдала Света, знавшая, что учить его кулинарии бесполезно. Он умел готовить вкусно и даже изысканно, но только если приходили гости или случался праздник. В повседневной жизни Андрей тратил на еду минимум времени. Вот и сейчас, включил малый огонь и, присев на табуретку, открыл книгу.

– Так, мы с тобой поговорим? – робко подала голос из своего угла Света.

– За ужином, ладно? Если хочешь, можем столы объединить. Ты что там жарить? – поводит он носом.

– Баклажаны с овощами. Знакомые с Украины привезли.

– Пойдет.

Через полчаса они сидели тут же на кухне за столом и не спеша ужинали.

– Так пошто суженого выгнала?

– Да ну его, пьет беспробудно, а денег не носит. Грубит, опять же.

Муж Светы Сергей, или как его все называли Серега, в

трезвом виде представлял собой тихого, даже немного заботливого мужичка, даром что стать и усы имел гусарские. Он безропотно выполнял энергичные команды своей жены по хозяйству, редко шумел. Работал весовщиком на складе металла. Умел так наладить весы и договориться с клиентом, чтобы иметь небольшой навар, но в валюте. Правда, заработки его не отличались стабильностью: то пусто, то густо. После работы или сидел у телевизора, или собирал модели спортивных машин, которых по полкам в их комнате расставлено было в богатом ассортименте и количестве.

Это – когда трезвым... Но стоило этому тихоне выпить каплю спиртного, в нем просыпался зверь дикий. Он скандалил, рычал, грохотал падающей мебелью, Свету свою гонял, а иногда и побивал до синяков. Длилось это безумие дня три-четыре, потом он «ломался», в тоске ложился на диван и начинал себя укорять за буйство, заунывно выпрашивая у Светы прощения. В эти минуты он безропотно выслушивал от нее все подробности своих буйных приключений, которые выпали из его памяти, а также все соображения жены по поводу некоторых недостатков его личности.

Пытался Андрей как-то вступить за притесняемую разнузданным мужем соседку, но получал двойной отпор: и от него («Не мешай жену воспитывать») и от нее («Не лезь не в свои дела»). После неудачной попытки их примирения он обил свою дверь толстым войлоком, и только когда их дебаты перемещались на кухню, он молча выходил туда и, скре-

стив руки, своим присутствием сдерживал ярость сторон.

– Значит, решила на Сереге сэкономить? Ну, и как, при-
было в бюджете?

– Не-а, зато расходов поменьше. Да и с работы уволилась.
Надоела торговля.

– А что будешь делать?

– Хочу с детьми работать. Я ведь в молодости педагогиче-
ский закончила.

Андрей оторвал глаза от поедаемого куска рыбы и удив-
ленно воззрился на собеседницу. Света всегда улыбалась (ес-
ли не плакала): в радости и в горе, в волнении и в покое.
Иногда Андрею казалось, что она глубоко психически боль-
на, но порой она поражала его своей практичностью и стрем-
лением к доброте.

Когда Света впервые пришла к Андрею, она то плакала,
то смеялась, то шутила, то растерянно и умоляюще смотре-
ла на него своими темными, широко расставленными, по-
этому несколько шальными глазами. Он тогда предложил
вместе сходить в храм и там исповедаться. Она сказала, что
раньше ходила в католический храм, но там ей было как-то
холодно, поэтому посещения свои она прервала.

Им тогда очень повезло: исповедь принимал сам отец Вла-
димир, сильно постаревший, почти глухой, но весь – добро-
та и праведность. Света почти постоянно вытирала глаза, а
когда подошла к священнику, то вдруг разрыдалась и обхва-
тила его колени руками. Отец Владимир погладил ее по го-

лове прохладной сухонькой ладошкой и та, как ребенок, доверчиво подняла зареванные глаза и стала говорить.

– Он святой! – шептала Света, отойдя от священника. – Я именно таким представляю себе Господа Бога, вот таким добрым и мудрым старичком с белой бородой. Спасибо тебе, Андрюша, ты мне так помог, так помог!

После окончания литургии они вышли из храма, немного прогулялись по арбатским уютным переулкам, потом голод загнал их в кафе под бордовым навесом, где подавали приличный кофе со свежими пирожными. Там они просидели пару часов. Деньги у Андрея уже кончились, официант несколько раз подходил к ним, нетерпеливо требуя нового заказа, но они все сидели и говорили. Вернее, говорила в основном Света.

...И вот теперь она ему выдает новую задачу. Андрей никак не мог представить ее с детьми – она казалась слишком занятой своими проблемами. Слишком неустроенной и безалаберной. Впрочем, никогда ничего нельзя сказать точно и определенно о женщине, а особенно такой, как Света.

– А раньше тебе приходилось работать с детьми?

– Нет, но они меня всегда любили. Я умею находить с детьми общий язык и еще умею быть им другом.

– Ты сейчас в храм ходишь?

– Никак не получается, все какая-то суета-маета. Слушай! А может, все мои несчастья последнего времени поэтому? – наконец-то осенила ее ценная мысль. Она даже рот открыла

и вытаращила глазищи.

– Думаю, да. Наши несчастья – это напоминания нам о том, что «ничего без Меня не можете», чтобы на себя слишком не надеялись.

– Так что ты мне посоветуешь?

– Что и всегда... Сходи на исповедь, очисти душу, потом помолись и попроси помощи в поиске работы.

– Да, я стыжусь обращаться к Богу с такими просьбами. Мне кажется, у Него и без этих мелочей дел много.

– А ты дерзни! В конце концов, тело есть храм души, и оно нуждается в питании и одежде. И еще сказано: «Не имейте, потому что не просите!» Так что проси – и воздастся. И твердо верь в это.

Юрий

С тех пор, как генерал Егоров пригласил его участвовать в своей предвыборной кампании, дел у Юрия Ильина заметно прибавилось. Ему поручили курировать несколько крупных регионов. Там надо было найти верных людей, организовать предвыборные штабы и координацию их деятельности.

Генерал получил серьезную поддержку политических единомышленников и деловых кругов. Ему обещали крупные деньги и хорошие шансы на выборах. Дела своей фирмы Юрий передал заместителю. Почти все свободные деньги вывел из оборота и направил на оргработу в штабе. Словом, он, как говорится, поставил все деньги на одну лошадку.

Генерал Егоров считался патриотом, человеком бесстрашным и честным. Развал империи он воспринимал как личное горе и решил посвятить жизнь борьбе с «мировой закулисой».

Разумеется, врагов у генерала после обнародования предвыборной программы появилось великое множество, ведь одним из первых пунктов ее значилась борьба с коррупцией и криминализацией общества.

Юрий часто бывал у генерала дома. Его удивляла непоказная аскетичность этого человека. В своей однокомнатной квартирке он работал за письменным столом из древесно-стружечной плиты. Питался кое-как, выпивая в день де-

сяток кружек крепкого чая с любимыми ванильными сухарями. Конечно, для него уже строили громадный особняк за кольцевой автодорогой, приличествующий политику такого ранга, но ему лично это было совершенно неинтересно. Распоряжался его финансами однополчанин, имевший к этому призвание и соответствующий опыт. Генерал лишь иногда вникал в дела финансовые, но быстро к этому охладевал и снова возвращался к своей активной политической работе.

Главной его заботой стала консолидация единомышленников среди военных, силовых структур и предпринимателей-патриотов. Когда его люди в компетентных органах докладывали ему о сборе на него компромата, генерал лишь усмехался и бросал фразу вроде: пусть роют, за мной все чисто.

Знал о незапятнанной репутации Егорова и его знакомый генерал ФСК Тюрин. Его люди исследовали каждый шаг Егорова с самого детства, но почти безрезультатно. Тюрин вызывали на самый верх и строго приказали «найти для Егорова бомбу» и держать наготове. Ему прямо сказали, что «допустить этого армейского слона в посудную лавку большого политического бомонда никак нельзя». Тюрин приказал досконально изучить ближайшее окружение генерала и там искать компромат.

Генерал Егоров к своим основным помощникам приставил охрану из верных, проверенных в боях ребят. Все они прошли обучение в спецшколах под руководством опытных

разведчиков. Вскоре Юрию доложили, что за его «Ауди» постоянно следует хвост, судя по почерку, из наружки ФСК. Генерал Егоров успокоил Юрия и его охранников, что от этих ребят им ждать неприятностей не следует, мол, за нами правда, потому не дергайтесь.

Генерал Тюрин просмотрел бумаги аналитического отдела по генералу Егорову и сделал выбор. Если нет подхода к самому Егорову, надо атаковать его друга Ильина. После такого предупреждения Егоров надолго выйдет из строя. Куратор долго буравил Тюрина тяжелыми черными глазами, покошачьи мягко прошелся по громадному кабинету, что-то пробурчал под нос не по-русски и дал добро. В этот же день генерал Тюрин вызвал к себе Валерия.

Однажды вечером, возвращаясь домой после напряженного рабочего дня, Юрий устало выходил из машины и его взгляд скользнул по окнам дома напротив. В одном из окон будто бы блеснули круглые стекла полевого бинокля. Впрочем, может быть, это ему показалось...

Дома после ужина он сел за бумаги, но память снова выбросила на поверхность сознания этот короткий выблеск. Сердце сжало холодной скользкой рукой, и он впервые за долгие годы ощутил ненавистное с детства чувство животного страха. «Обложили меня, обложили...» – пронеслось в голове из песни Высоцкого.

Он вызвал охранника и со стыдом поделился с ним своим

наблюдением. Тот отнесся к словам Юрия совсем без юмора и исчез озабоченным.

Неожиданно для себя Юрий потянулся к телефону и набрал номер пейджера брата, наговорил текст с просьбой позвонить ему, как только тот сможет.

С некоторых пор он с трудом понимал своего младшенького. Тот «ударился в религию», ни дела старшего брата, ни обычные для его круга развлечения не интересовали Андрея. Они, конечно, продолжали дежурное общение, но между ними пролегла какая-то пропасть. Юрию все время казалось, что младшенький потихоньку сходит с ума.

Юрий несколько раз даже, видя неважное финансовое состояние брата, предлагал поработать в своей фирме, но тот как-то странно грустно смотрел на него и отказывался: деньги Андрея не интересовали. Тогда он приглашал вместе провести выходные на даче. Андрей приезжал, буквально на руках носил свою племянницу, подолгу разговаривал с женой, но в беседах с родным братом замыкался и больше молчал.

Случилось это все после их разговора, во время которого Андрей признался, что верует в Бога. Он начал было увлеченно рассказывать о своих открытиях «якобы истины», на что получил от Юрия в ответ хлесткое определение «мракобес». С тех пор между ними и пролегла тень.

И вот ни с того ни с сего Юрия потянуло пообщаться с братом. Через несколько минут раздался звонок телефона, и он услышал родной голос.

– У тебя что-нибудь случилось? – первое, что сказал Андрей.

– С чего ты взял? Думаешь, я способен звонить только с большой нужды? – огрызнулся Юрий.

– Ну, мы с тобой все же братья, и я еще способен чувствовать твою боль. Говори, что случилось.

– Да, в общем, ничего серьезного... Так, некоторые подозрения.

– А конкретней?

– Слежка за мной. Похоже, ка-гэ-бэ. И еще... ты, наверное, будешь смеяться, но вот показалось, что блеснуло из дома напротив стеклами бинокля. Вроде пустяк, но что-то на душе стало паршивенько.

– Когда это все вместе, брат, то на пустяк совсем не похоже. Ладно, я кое-что придумал.

– Эй! Что ты еще придумал? Своих «гвардейцев», что ли, подключить? Так это ни к чему. У меня профессиональная охрана – твоей не чета.

– Нет, это будут не мои ребята. Это будет нечто более могущественное, чем человек.

– А-а-а! – протянул Юрий. – Опять ты со своей мистикой. Все-таки ты ненормальный...

Юрий швырнул трубку, долго ругался, но – странно – разговор с братом успокоил его и вселил необъяснимо крепкую уверенность.

Валера

Дома он стал под горячий душ и смыл-таки со своего лица маску подобострастия. Растираясь жестким полотенцем докрасна, он взглянул в зеркало и с удовлетворением констатировал, что его обычная жесткость снова проступила во взгляде серо-стальных глаз. Налил себе стакан коньяку и жадно выпил, в голове просвистел ураган, и установилось холодное спокойствие. «Сейчас я возьму трубку и наберу указанный номер».

Совсем недавно Валера состоял в организации, сила которой не вызывала ни у кого сомнений. Сначала его обкатали на границе, где ему пришлось «креститься кровью», потом он доказывал терпение и настойчивость в кабинетной работе. Здесь его приучили добывать нужные показания от подзреваемых любыми способами, которых в арсенале его старших коллег оказалось немало.

До сих пор каждый день Валера вспоминает, как они с ребятами после уничтожения очередного врага советской власти в обеденный перерыв шли по оживленной улице в ресторан и прохожие уважительно – кто кланялся им, кто обходил стороной.

В ресторане их встречали с поклоном и уводили в персональный кабинет, где потчевали самым изысканным, и денег, разумеется, не брали. А стоило только завести разго-

вор о грядущей командировке, в пиджачный карман тут же опускалась толстая пачка денег, выпавшая из проворных рук официанта. Потом, когда персонал их конторы стали сокращать, почему-то первым вычистили его отдел. Ему обещали в скором времени вызвать для дальнейшего устройства, но молчание затянулось надолго.

Изредка, обычно в ресторане, он встречался с бывшими сослуживцами. Некоторые из них уходили в частные охранные фирмы, и там им сразу доходчиво объясняли законы бизнеса: «Или они нас, или мы их», причем жизнь человека в игре, где счет идет на миллионы долларов, ничего не стоит. Один такой, когда понял, что его сделали бандитом, пытался выйти из игры, но ему даже не позволили дойти живым до дома.

За столом этим бывшие сослуживцы обычно или много ели, или много пили. Кто много ел, тому похвастать было нечем. Те, которые много пили, первых называли неудачниками, относились по-трезвому снисходительно. Когда же выпивали какую-то критическую дозу, принимались оправдываться перед едоками, совали им в карманы зеленые сотенные купюры и ругали «жизнь проклятую». Валера умудрялся успешно делать оба застольных дела: он и ел много, и пил до упора. Обнимался со всеми, хотя больше его тянуло к людям в дорогих костюмах.

Накопления его вскоре кончились, и Валера через друзей нашел себе место на автостоянке. Хоть оклад ему положи-

ли небольшой, но в первую же ночь он за предоставление мест сторонним автовладельцам неплохо заработал. Половину, как водится, отдал хозяину, но и то, что осталось, его порадовало. Скоро он опять приделся, стал даже иногда обедать в ресторанах... Только вот это подобоострастие липло к лицу, как паутина и смывалось горячей водой и коньяком только на время.

Он потерял самое главное для себя – ощущение причастности к могучей организации, перед которой трепещут все, кто сам в ней не состоит. Его перестали бояться и уважать. Да что там! Иногда он сам чувствовал в груди холодок страха, заползавший туда при виде въезжающих в ворота стоянки сверкающих мощных иномарок с коротковолосыми мужчинами, обвешанными золотыми цепями.

Но вот вчера на стоянку позвонил сослуживец его отца, уже в чине генерала, и потребовал готовиться к возобновлению работы в органах. Валера одновременно обрадовался и испугался: за пять лет жизни вне конторы он растерял былую жесткость и сноровку, зато живот округлился, и мышцы одрябли.

И вот сейчас надо звонить генералу. Он поднял трубку, повторил по памяти продиктованный номер телефона – и вдруг ощутил в груди страх и тоску. Трубку положил, налил еще стакан коньяку, выпил, походил по комнате, сел в кресло, вдохнул, резко выдохнул и решительно застучал по клавишам телефонного аппарата.

Секретарь соединил его с генералом, и тот сразу приказал срочно выезжать на конспиративную квартиру, адрес которой продиктовал. Валера по новой своей привычке записал его в блокнот, похолодел от обнаруженной ошибки и выдрал сначала листок, на котором писал, а потом и еще несколько листков, на которых мог остаться отпечаток букв и цифр адреса. Затем он засуетился, подыскивая соответствующие случаю костюм и галстук, и со страхом вспомнил о выпитых двух стаканах коньяку. Нет, он не чувствовал опьянения, но запах! На кухне отыскал лавровый лист и пожевал, потом еще на всякий случай почистил зубы.

На такси, как раньше, пропустив первое остановившееся и сев во второе, он доехал до соседней с искомой улицы. Пешком прошел до улицы, указанной в адресе. Несколько раз проверился на поворотах и только после этих лисьих маневров он вошел в подъезд обычной девятиэтажки. Поднялся на седьмой этаж и позвонил в нужную дверь. Открыл ему незнакомец бандитской наружности и провел в комнату, где в глубоком кресле развалился генерал Тюрин, в свободных светлых брюках и пестрой рубашке навыпуск. В его коротких волосатых пальцах тлела толстая гаванская сигара. Ни разу еще Валере не доводилось видеть отцовского друга в таком облачении, даже во время застолий в доме отца. Генерал улыбнулся, сверкнув ровной шеренгой зубов, указал на кресло напротив:

– Садись, Валерий Степанович. Пей кофе. Коньяку пока

не предлагаю, да и на сегодня тебе хватит. И не думай, что мятная зубная паста и лаврушка меня введут в заблуждение. Я не спрашиваю о твоей судьбинушке, мне уже все, что нужно, доложили. Конечно, некоторые навыки ты подрастерял, но это все мы восстановим. Главное, что наша закваска в тебе осталась. Скучаешь по службе?

– Еще как!

– Знаю, знаю... Это у тебя потомственное. Это у нас всех – в генотипе, никакой перестройкой-пересменкой не вытравить. Ладно, не тревожься, теперь ты снова будешь с нами. Только имей ввиду, изменились не только обстановка в стране, но и методы нашей работы. Ты будешь вне штата. Работай пока, где работаешь. А теперь слушай внимательно...

То, что дальше рассказал ему генерал, Валеру несколько расстроило. Работа по схеме «в случае провала мы тебя не знаем» была ему, конечно, знакома, но как-то все больше теоретически. Правда, были два «но»: во-первых, ему не предлагали выбора, как говорится, вход рубль, а выход два; а во-вторых, за первую операцию ему положили такой гонорар, что в прошлой жизни таких денег ему не заработать до пенсии.

Сперва его направили на стрельбище, где ему надлежало вспомнить и подновить стрелковую подготовку. Потом после кратких подрывных курсов ему поставили задачу, оснастили техникой и оружием, дали денег на текущие расходы. Обь-

ектом его попечительства стал Юрий Ильин.

Неделю Валера следил за своим объектом из квартиры дома напротив. Изучил его расписание и систему личной охраны. Обнаружил некоторые бреши, но понял, что просто так к объекту не подобраться. Его телохранители постоянно мелькали перед охраняемым телом, и надеяться на время, необходимое для тщательного прицеливания, не приходилось. Время, отведенное для подготовки операции, подходило к концу, а четкого плана не вырисовывалось. Тогда он решил сменить тактику.

Андрей посетил храм, где заказал молебны о здравии брата, вернулся домой и закрыл на ключ дверь своей комнаты. Зажег лампадку перед иконами, встал на колени, открыл молитвослов и стал читать молитвенное правило...

Рано утром в подъезд дома, в котором жил Юрий, вошел сторбленный бомж с рваной матерчатой сумкой в грязных руках. В ней позвякивали несколько пустых бутылок. Бомж пошарил потухшими глазами по площадке первого этажа, вздохнул, побурчал и вышел восвояси.

Андрей положил сороковой земной поклон, отсчитав по четкам, и продолжил молитву: «...Сопутствуй и утешай нас во время скорбей наших, даруя нам память о гресех наших, помогай в напастех и треволнениях мира сего, и во всех бе-

дах в сей юдоли плачевней нас постигающих...»

В пустом общественном туалете бомж зашел в кабинку и заперся изнутри. Через пару минут дверца кабинки распахнулась и выпустила наружу Валеру, одетого в легкие брюки и футболку. Пластиковую взрывчатку он установил, кажется, без лишнего шума и достаточно надежно. Теперь осталось дожидаться момента, когда объект будет заходить в подъезд, и нажать кнопку радиоуправляемого взрывателя.

«...Ты, победив полки супостатов, – читал Андрей следующую молитву, – от пределов Российских отгнал еси: и на нас ополчающихся всех видимых и невидимых врагов низложи...»

Валера сидел у окна и ждал приезда объекта с работы. Осталось всего-то ничего: в нужную секунду нажать кнопку и быстро удалиться из квартиры. Он заранее уничтожил все следы своего здесь пребывания. Только нажать – и уйти. Но, что же это такой необъяснимый страх снова закрался в грудь? Почему накатила такая смертная тоска? Что это с ним? До предполагаемого времени приезда объекта остались больше получаса.

«...Разруши силы возстающих враг, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да уведят, яко мы

имамы Божественную помощь; и всем в скорби и обстоянии сущим многомощное яви Твое заступление...»

Валера, чувствуя себя последним идиотом, вышел из квартиры и направился к ближайшему ларьку. Под грохот собственного сердца он купил бутылку коньяку и вернулся назад. «Что я делаю! Кретин!» – шумело в голове, но руки сами вскрыли бутылку, и рот сам по себе сделал несколько жадных глотков обжигающей жидкости. Нутро растеплелось, тоска вроде унялась. Прошли переживаемые полчаса. Затем еще час и еще – объект не появлялся. Валера – глоток за глотком – опорожнил всю бутылку, сбегал за второй. Продавец ему подмигнул, как знакомому, но Валеру это нимало не смутило. Он успокоил себя, что если не выйдет сегодня, то он взорвет этого Ильина завтра, ну или послезавтра, неважно! И пошли они все!.. Подумаешь, начальство! Да если что – эти шакалы в кусты, а ему на плаху. А, может, удрать подальше? Денег ему дали немало, лет на пять тихой жизни где-нибудь в Урюпинске хватит. А там и всех его нынешних начальников прибьют, или еще что случится.

«...Тем же, ко твоему покрову и заступлению прибегающе, смиренно молим тя: якоже сам от бури сумнительных помышлений избавлен был еси, сие избави и нас, волнами смущений и страстей обуреваемых...»

Что это за тоска снова навалилась! Валера опорожнил еще полбутылки, но на душе скребли кошки. И этот обьедок, то бишь объект, не едет, гад. Все сволочи! Все гады! Все против него.

Наступила поздняя ночь, когда у входной двери позвонили. «Какую там еще тварь несет! Все сволочи!» – завыло в обожженной спиртом груди. Валера спросонья, с тяжелой пульсирующей головой доплелся до двери, ругнулся и рванул ее на себя. В квартиру бесшумно, мягко роняя Валеру на пол, ввалились несколько человек. Спустя полчаса его отрезвили и довольно умело разговорили. И так, уже не Валера в майорских погонах, а его беспогонные враги допрашивали самого Валеру. И он знал, что препираться бесполезно. Нет таких допрашиваемых, которых нельзя «расколоть», не родилось еще. Он это знал наверняка.

Света

Вечером Андрей снова готовил свой ужин на скорую руку и во время технологических перерывов читал книгу. Дверь кухни распахнулась, и со свертками в руках шумно вошла Света.

– Вот! – весело вывалила он на стол поклажу. – Сегодня получила аванс.

– Откуда это такое богатство? – спросил Андрей, оторвавшись от книги.

– Так ты мне сам советовал попросить у Пресвятой Богородицы работу. Так я вчера весь вечер на коленях простояла. Потом приложила к иконке Богородицы и заснула. А сегодня звонок по телефону. Я уж и думать о ней забыла... Короче, звонит мне одна подруга и предлагает работу гувернанткой в один богатый дом. Я снова помолилась и сходила туда. Прихожу, знакомлюсь с родителями, то да се, говорим. А потом проснулась девочка, мы с ней познакомились и она – представляешь – сразу в меня влюбилась, даже отпускать не хотела. Вот так все и решилось. Они меня взяли. Сразу аванс дали, чтобы я приделась поприличней. Так что гуляем!

Андрей смотрел на соседку и думал, как же это так получается просто? Даже сразу и не верится. Попросила – и вот на тебе! И вспомнил он слова старца: «Господь Своих

людей всегда блюдет». Значит, Света своей простотой и чистыми помыслами достучалась... страшно подумать, до Кого. Но ведь получила же... Вот так живет рядом человек, а ты видишь в нем только взбалмошную бабенку, а она, оказывается, у Господа своя. Без всяких там премудростей и высоких слов.

Света взглянула на притихшего Андрея и спросила:

– Я что-нибудь сделала не так? Нет, я не забыла – ты не думай, что я такая неблагодарная, – зашла, зашла я в храм-то. И свечку поставила самую красивую и на коленках у иконки поплакала, и благодарственный молебен Заступнице моей заказала.

– Молодец, ты Светка, сама не знаешь, какая ты молодец! – негромко сказал он.

– Правда! А я уж испугалась, что ругать меня будешь за что-нибудь?

– Да за что же? И разве ругал я тебя когда?

– Нет, конечно, но мало ли? Я тебя почему-то боюсь больше, чем своего хулигана-мужа. Как посмотришь иногда... будто в самую душу.

– Обещаю: отныне глаз от пола не подниму.

– Да, ладно тебе, не слушай ты меня, глупую. Давай отметим это дело. Мне так радостно, а больше никак тебя отблагодарить не могу.

– Да ты и так уж и отблагодарила, и порадовала...

Ближе к церкви

Часто загудел телефон. Андрей поднял трубку и услышал голос из далекого города:

– Я очень благодарен тебе.

– За что?

– Ты мне как-то посоветовал держаться поближе к церкви. Я так и сделал. Обошел несколько храмов и нашел братство. Меня там хорошо приняли и предложили работу. Сейчас пишу иконы, стал зарабатывать деньги. Вышел на очень серьезный уровень. Первые две иконы продал каждую за две тысячи долларов. Так что очень серьезный уровень. Сейчас хочу выставиться на ярмарке.

– На службы ходишь?

– Конечно... Правда, не каждый месяц удается.

– Месяц?.. Исповедовался?

– Конечно. Меня с собой батюшка в свою деревню возил. Там настоящие староверы, такие исконные, корневые!

– А как все проходило?

– Так, как и надо бы везде. В каждом храме. Все по-простому, без этой золотой мишуры и бижутерии. Зашли мы в храм с батюшкой и с дьяконом, я в алтаре зажег семи-свечник. Ну, что – говорю на исповеди – грешен во всех смертных грехах, все мои... Положил он на меня эту ленту с крестами, перекрестил, что-то пошептал. Все, говорит,

безгрешен, аки ангел. И мне так хорошо стало! Батюшки запели молитвы, а я стал перед иконостасом. Так светло, легко! Представляешь! Смотрю на икону Спаса и вижу, как он отделяется от иконы и ко мне, грешному, спускается... И слышу внутренний голос: «Вот ты ко мне и пришел. Ты мой избранник, я тебя люблю и теперь я поведу тебя в царство небесное!» Так что вот удостоился видения от самого...

– ...беса!

– Типун тебе на язык. Что ты такое говоришь?

– А ты что, не замечаешь последовательности? Пришел в храм деньги зарабатывать, продал иконы бандитам за бешеные деньги, выигранные в казино; ходишь в церковь, как в театр, – за наслаждением; дальше – исповедь у каких-то раскольников на скорую руку; вот уж и наслаждение получил; а тут и сам податель ядовитой сладости авансы тебе раздает.

– Ну, конечно, ты же у нас самый умный! Только ты один все знаешь.

– И еще подумай вот о чем: святые!.. Десятилетиями в подвигах поста, бессонных ночах, покаянных молитвах... Пропливая горячие слезы за свои грехи... Ежесекундно в строжайшем соблюдении себя от самых ничтожных прилогов греха... Под покровом постоянного послушания... Под ежедневным наблюдением духовника... В постоянном чтении Святого Писания... Достигают высочайших высот духовного совершенства в смирении... Но далеко не все удостоиваются видений небесных сил. А тут пришел любитель денег и

удовольствий, пару телодвижений сделал – и вот ему за его заслуги, заметьте: ни много ни мало, а Сам Господь является... Ты сам понимаешь, что говоришь и творишь-то?

– Нет, мне это нравится! Ходит парень в столичные церкви, облепленные золотом; на эти спектакли, где роль Христа исполняет толстый поп, увешанный золотыми крестами с бриллиантами; бьет поклоны на каждое «Господи, помилуй!», читает книжечки и всех учит жить. У тебя там крылышки еще не прорезались? А, херувимчик?

– Хожу я в храм Божий молиться о спасении душ: своей и моих ближних. В Церковь, основанную Самим Иисусом Христом. Каждый день моя душа горит в адском пламени моих грехов. Я – «свиния, в калу лежащая»!.. И единственная моя надежда – на милость Господа, потому что я сам ничего хорошего из себя не представляю. Все мои достоинства – от Бога, а мое личное – это бесконечные грехи и... простите, выделения... И если я тебе когда-нибудь скажу, что Православная Церковь мне не мать, то Бог мне не отец, и потому гнать меня нужно подальше от святых церковных стен... Или тащить к любому батюшке – отчитывать меня от одержимости бесовской и прелести сатанинской.

– Слушай, почему, когда я тебе звоню поделиться, ты меня каждый раз ругаешь?

– Давай вспомним, чем ты делился. Сначала своим увлечением медитацией. Тогда для тебя все равно было: что молитва Богу – что медитация сатане. Потом ты меня убеждал,

что на свете нет ни добра, ни зла, а есть некая энергия наподобие электрической.

– Я же просил тебя забыть об этом!

– Когда мы с тобой разобрались и с этой ложью, ты стал искать тайные изотерические знания у Даниила Андреева в «Розе мира», у Сведенборга и у Рерихов в агни-йоге. Вроде бы я смог тебя убедить на своем печальном опыте, что в основе этих мистических учений – гордыня и отрицание Церкви.

– Ну, не совсем... Я и сейчас уверен, что ты перегибаешь...

– Теперь ты, как говоришь, пришел в Церковь, а служишь мамоне, и здесь ты ищешь духовных наслаждений, тебя занесло в раскольниковство... Почему у тебя сохраняется такая стойкая потребность из одной лужи с грязью торжественно садиться в другую? Почему ты так упорно не слышишь призыва к покаянию и смирению?

– Слушай, жизнь так коротка... Если мы только и будем, что бить себя ушами по щекам и плакать о грехах, то совсем превратим жизнь в кромешный ад.

– Вот именно потому, что жизнь не просто коротка, а совершенно мимолетна, мы и должны в первую очередь подготовиться к вечности. Потому что в вечности или адское пламя – или Царствие Небесное, другого не дано. Мне очень жаль, но!.. Не дано. И нет ни агни-йоговских реинкарнаций, ни мирно соседствующих якобы на небесах храмов разных

религий, как у Даниила Андреева. Потому что нет религий. Есть одна религия – Православие, потому что только здесь истина. Потому что Сам Господь воплотился на земле и сказал: никто иначе не придет к Отцу Небесному, как только через Меня. Сам Господь показал нам путь спасения: это смирение, покаяние, крестный путь скорби и мучений.

– Ну, вот опять – скорби, мучения... А когда жить?

– А вот это и есть жизнь, возлюбленный брат. Есть два пути: путь удовольствий и наслаждений – это в преисподнюю, на мусорную свалку (ты знаешь, что прообраз евангельской геенны огненной – это мусорная свалка за иерусалимскими стенами?); и второй, путь покаяния и смирения, через так не уважаемые тобой скорби – это домой, в Царство нашего Отца Небесного.

– Вся моя душа возмущается от такого расклада! Я молод и хочу жить! В старости покаюсь и наскроблюсь вдоволь!

– Снова обман! С чего ты взял, что через минуту не умрешь? Откуда тебе знать, сколько тебе отпущено? И потом, грех – это, как вино. Сначала веселит и пьянит, потом появляется похмелье, потом втягивает в запой, а потом уже и бросить невозможно. Сколько алкоголиков каждый день бросают пить, каждый день в последний раз, а потом уже – зависимость, пленение, одержимость! Все! Связан врагом... И за каждый грех, как за выпитый стакан, – страшные мучения.

– Что же без мучений-то никак нельзя?

– Можно, наверное, но для этого нужно быть праведником, а таких – один на миллиард. Всем остальным во искупление грехов дано мучиться – увы! Только делать это можно по-разному. Вот, например, прививка – это ведь тоже болезнь, только в облегченной форме. Зато после ты этой болезнью не страдаешь и от нее не умираешь. Так и покаяние – «держишь ум во аде», чтобы не гореть вечно в аду настоящем. Ну, а чтобы меньше страдать, нужно меньше грешить. Здесь и начнется та невидимая брань, о которой пишет Никодим Святогорец в своей настольной книге для монахов.

– «Невидимая брань»? Знаю, видел на лотке.

– Почитай, там много практических советов, как избежать грехов, как с ними бороться, как сохранять свою чистоту. Вот, смотри! Ты с помощью молитв и покаянияходишь в состояние души, когда «ум во аде». Ты буквально окружен гудящим пламенем. Ты плачешь о спасении. Ты видишь как бы со стороны все свои грехи. Они жгут тебя и кажутся тебе мерзкими, грязными твоими порождениями. Ты их все до одного именуешь и записываешь на листок. Все, которые тебе дано увидеть в себе! Если хотя бы один утаишь или постыдишься записать, чтобы потом вслух произнести священнику – а ведь это действительно стыдно! – вся твоя исповедь насмарку. Можно обмануть священника, но не Бога, властью Которого батюшка грехи отпускает. Но вот ты со стыдом и болью, с плачем и мучением приносишь свое покаяние... Батюшка тебе отпускает грехи. И ты чист, как ангел. Чувству-

ешь разницу с твоим «Все смертные грехи – мои?»»

– Чувствую...

– И теперь тебе во что бы то ни стало надо сохранить чистоту в душе. Но ты ощущаешь, что бесы один за другим пускают в твою душу стрелы греховных мыслей. И здесь ты волен или принять их в свою душу и увлечься ими – или отразить эти стрелы, как щитом, крестным знаменем и призыванием Бога Иисусовой молитвой. Вот в этом и заключается наша постоянная война, в которой ты или победитель, или раненый, или убитый. В этой битве у человека есть помощники, защитники. Ты будешь постоянно чувствовать их благое воздействие. И по мере покаянного очищения и навыков в битве к тебе будет приходиться то радостное состояние, когда ты почувствуешь близость Бога. Пусть это будет длиться всего секунду. Но эту секунду ты запомнишь на всю жизнь! После этого у тебя пропадут страх и все сомнения от маловерия. По этой мизерной искорке смиренной Божьей любви ты поймешь, каков ее безбрежный океан в Царствии Небесном. Но еще ты увидишь и греховность мира, тебя окружающего, и захочешь его покинуть.

– Монашество?

– Но мир тебя не будет отпускать... Тогда ты его возненавидишь: его ложь и злобу, гнилые соблазны и тленную смертельную красоту. Но в мире живут люди. И их всех – именно всех и каждого! – любит Господь. И ты станешь учиться их любить. Вот это самое трудное! Ты их любишь, отдаешь им

последнюю рубашку, по ночам в рыданиях вопиешь к Богу о их прощении и спасении. А они тебя грабят, избивают, а могут и убить! И чем больше они тебя истязают, тем сильнее ты будешь их любить и громче вопить к Богу о их спасении.

– Н-да... Ну и перспективка...

– Святого спросил послушник, почему у него бывают периоды охлаждения к Богу. Святой сказал, что это все оттого, что он не знает настоящего ужаса мучений в аду и блаженства на Небесах. А если бы узнал, то согласился бы в келье с червями всю жизнь прожить в молитвах к Богу, чтобы только быть спасенным.

«Бесполезно...» – печально вздохнул Андрей, когда положил трубку. И встал на молитву о здравии и просвещении ума раба Божиего.

Владимир Иванович

Со встречи ехали по Каширскому шоссе, затем свернули на кольцевую и только тогда услышали спокойную команду шефа: «На стройку». Бригаду эскорта он отпустил на базу, и дальше они ехали в джипе втроем, все время молча.

По узкой асфальтовой дороге въехали в просторный сосновый лес. Среди мачтового частокола там и тут выглядывали старые бревенчатые дачки и дома шикарного новостроя.

У тягача с панелями Андрей оформлял документы. Строители, как всегда без пауз и традиционных перекуров, деловито занимались монтажом. Оранжевый двадцатитонный кран «Като» опускал в кассету очередную матово-белую панель. Только Пал Трепалыч отреагировал на приезд хозяина и, сверкая загорелой лысиной, уже бежал к джипу.

Владимир Иванович попросил сонарника позвать Андрея. Тот закончил с документами, передал их водителю и подошел к заказчику.

– Судя по всему, сегодня у вас, Владимир Иванович, был удачный день, – снова скорей констатировал, чем спросил Андрей.

– Ты знаешь, я до сих пор ничего не могу понять. Они прислали каких-то мальчишек, и те передали, что их шеф в реанимации, вручили чемодан с отступными, извинились и уехали. Нет, ну ты понял? – пропел экс-уголовник, теперь

президент международного концерна.

– Вы все сделали? – глядя на кроны мачтовых сосен поверх седого бобрика, спросил Андрей.

– Конечно, братишка, какой разговор?

– Все? – еле слышно спросил еще раз Андрей, глядя на пухлую в оспинах переносицу.

– Все, Андрюш, правда! На исповеди мне даже поклоны земные прописали – до сих пор от них спина болит... Вломили мне в церкви по первое число, но ехал на встречу как никогда спокойно. Даже удивился: нервы-то уж не свежие...

– Тогда все так и должно было случиться.

– Нет... Это что, оттуда!? – он ткнул толстым пальцем в синее небо.

– А теперь, Владимир Иванович, надо отблагодарить.

– Да говори, что тебе надо, Андрюх, сделаю все, что хочешь.

– Там же закажите благодарственные молебны. Обязательно.

– Это сделаю. Хорошо! А тебе? Тебе что я могу сделать?

– Я же сказал. Лично мне ничего, – со вздохом сказал Андрей и, кивнув на прощанье, пошел к «гвардейцам».

– Он че, ненормальный? – спросил охранник, устраивая свое мясистое двухметровое тело на кожаное сиденье.

– Не-а, нам его не понять, Петруша. Он не здешний... Домой.

Андрей подошел к работающим, подозвал Бугра.

– Сработало? – поинтересовался тот, отирая кепкой загорелое лицо в шрамах и глубоких морщинах.

– Который уже раз, а все никак не привыкну, – признался Андрей.

– А разве к этому можно привыкнуть? Это же все-таки чудо...

– Сейчас я в храм. Завтра, если буду нужен – звони. Спаси тебя Господь, Бугор.

– Во славу Божию... Слушай, я отпущу Гену с тобой? Пусть дочь навестит.

Геннадий Иванович, герой афганской войны, доброволец-ликвидатор Чернобыля, по пути на платформу затащил Андрея в пивнушку. Взял там порцию коньяку, коробку конфет для дочери и кофе Андрею. Они присели за столик.

– Я тебе сейчас историю одну расскажу, – неспешно начал Гена, отпив жидкость из пластмассового стаканчика. – Росли два мальчика в одном дворе. Папы у них работали на дипломатическом поприще, крепко связанном с разведкой. О родителях они никогда не говорили. Это было не принято.

Один мальчик отличался от всех остальных смуглой кожей и еще кое-чем, о чем все узнали несколько позже. Тогда в моде в их среде был некий священный кодекс чести. Не принято как-то было ни предавать, ни выдавать. Если кому нужна помощь – хоть ночью приди, отказу не будет. За друга на нож шли, без рассуждений и колебаний.

Это потом уже выяснилось, что оба воспитывались роди-

телями в вере. Тайно, конечно. Один ходил в православный храм, другой – в мечеть. После школы их разбросало кого куда. Мусульманин выехал с родителями на родину в Афганистан.

Православного призвали в армию, и попал он на войну, тоже в Афганистан. И случилось ему попасть в засаду. Весь экипаж «духи» расстреляли из пулемета. Он в одиночку держал оборону.

Молился и стрелял, слезами обливался, молился и снова стрелял. Взял тогда он на себя зарок перед Всевышним, если выживет, никогда ни при каких обстоятельствах ни в кого не будет стрелять.

Сутки держал оборону, пока не подросла наша «вертушка» и не накрыла сверху «духов». Перед отлетом пошел на гору, где засели «духи», и среди трупов нашел он своего школьного друга. Видно, перед смертью он молился своему Аллаху, да так его и прошила пулеметная очередь. Полумесяцем по спине. Закрыв он глаза друга и всю дорогу молился о прощении и упокоении его души.

Так получилось, что дали ему за оборону высотки Звезду Героя, и он больше не стрелял. Никогда и ни в кого.

Самое интересное, что оба эти мальчика стреляли друг в друга, защищая свою веру, своего Бога.

– Но спас Господь только одного – тебя, – заключил Андрей.

Маша

На вокзале Андрей посадил Гену в такси и присел на скамью. В его душе нарастало молитвенное настроение, столкновение с чудом снова окрылило его. Сейчас нужно «отшелушить» суетность, успокоиться...

– Дядь, помоги!

Перед Андреем стоял оборванец лет восьми и протягивал грязную ручонку. На его чумазой щеке светлела полоска от недавних слез.

– Садись. Не бойся, не обижу.

– А я и не боюсь, – улыбнулся мальчик. Присел рядом на скамью, но протянутой руки не убрал.

– Родители есть? – Андрей достал из сумки шоколадку из «ЭН-ЗЭ», разломил пополам и поделился с соседом.

– Ага. Мама, – выдохнул он и откусил шоколад.

– И где же она?

– Здесь работает. По мужикам она у меня, – гордо ответил мальчик.

– Позвать можешь?

– А у тебя деньги есть? А то ведь она просто так ни с кем не ходит.

– Есть. Зови.

Через пару минут мальчик подвел молодую женщину в ярком шелковом костюме. Лицо ее, совершенно без космети-

ки, выражало настороженный интерес.

– Желаешь развлечься? – дежурно спросила она, оценивающе разглядывая его джинсовую одежду и кроссовки, остановив взгляд на японских часах. Потом подняла глаза и нагнулась на его зрачки. Улыбка растаяла.

– Садись.

Андрей, увидев ее, внутренне вздрогнул. Перед ним стояла красивая, стройная молодая женщина. Сразу件нятно, что ее ремесло еще не въелось ни в душу, ни в поведение. А самое удивительное, что она очень напоминала его первую любовь по имени Оля. Только глубоко скрытый страх занозой сидел в ней. И усталость. Но и надежда на лучшее не покинула, судя по ясным карим глазам.

Женщина послушно села, поправив юбку. Так дамы ее профессии поступают крайне редко. Рядом пристроился и мальчик. С минуту они молчали.

– Как вас зовут?

– Я Маша, а он – Серега, – кивнула она в сторону сына.

– Меня звать Андрей. Сколько ты зарабатываешь за вечер?

– Хочешь снять до утра? Дорого это, Андрюш.

Он достал бумажник, вынул все деньги, оставил себе одну купюру, остальное протянул ей. Женщина сразу спрятала деньги.

– Пошли...

– Пошли, – Андрей оглянулся и протянул руку Сереге.

– А его зачем? – испуганно дернулась она.

– А мы пойдем не на твою работу, – улыбнулся ей Андрей. – Сначала немного прогуляемся, зайдем в храм, а потом я вас домой отпущу.

– Ничего себе! А меня туда пустят? Ну, в храм?

– Придумаем что-нибудь. Ну, а теперь рассказывай. Почему работу такую... странную выбрала?

– Не я выбрала ее, а она меня. Мужа у меня убили. Потом с меня долг стали требовать. Сначала отобрали квартиру, ну а потом и меня захомутали. При муже-то друзей было – море. Чуть ли не каждый день застолья, клятвы верности... А как мне помощь понадобилась – всех как ветром сдуло. Остались мы с сыном совсем одни. Обычная история.

– Кто у них главный? Кличку знаешь?

– А как же! Мамед его зовут.

– Завтра позвонишь мне вечером, вот тебе телефон, – Андрей протянул ей визитную карточку.

Они подошли к храму, Андрей перекрестился и вошел. Следом за ним гуськом робко вошли и Маша с сыном. Андрей подошел к свечному ящику:

– У вас есть платки для женщин?

– Есть. Тут у нас одна прихожанка нарезала из своей шали, чтобы случайным раздавать, – охотно пояснила улыбчивая женщина и протянула Марии платочек. – Заходи, милая, не бойся.

– Спаси Господи, матушка. Мне еще пять свечей больших.

Машу с сыном он отправил к иконе Богородицы, дал свечей. Сам же отошел в сторону, открыл маленький походный молитвослов и встал на колени перед образом Иоанна Предтечи.

(«Ей, Крестителю Христов, честный Предтече, крайний пророче, первый во благодати мучениче, постников и пустынников наставниче, чистоты учителю и ближний друже Христов, тя молю, к тебе прибегаю, не отрини рабу Божию Марию со чадом Сергием от твоего заступления, но возстави ея падшуюся многими грехи, обнови душу ея покаянием, яко вторым крещением омываяй грех, покаяние же проповедуяй во очищение коегождо от дел скверных; очисти убо ея, грехми оскверненную, и понуди внити, аможе ничтоже скверно входит в Царствие Небесное. Аминь.»)

Мария стояла у образа Богородицы и сначала бездумно глядела на неземную красоту лика. Потом от иконы, как из распахнутого окна, повеяло свежим порывом теплого ветерка, вот она увидела себя как бы со стороны: она стояла и... плакала. Слезы сами вдруг закапали из глаз. Вся ее жизнь день за днем проходила перед ее сознанием. И поняла она, что была лишь череда ошибок и тупиков, боли и страха. И вот Маша уже стоит на коленях, и простая, но горячая молитва сама изливается из ее души. Вместе со слезами рассказания.

Ей показалось, что лик Богородицы ожил, и теплая материнская улыбка озарила его. И так стало хорошо и спокойно,

будто она снова оказалась маленькой Машенькой на коленях мамы, и ее теплая рука гладит ее по головке. «Иди и больше не греш. Ты прощена!» – услышала Маша неземной доброты голос, нежно прозвучавший в ее сердце. Она поднялась с колен, и почувствовала, как твердая решимость наполнила ее. Прошлая грязная жизнь осталась за невидимой чертой, которую она переступила, входя в эту церковь. Она еще не знала, что будет делать в жизни новой, только знала точно, что теперь все будет хорошо. Так, как надо.

Через какое-то время Маша осознала себя сидящей под синим зонтом на террасе летнего кафе. Рядом негромко разговаривали Андрей и Сережа. Сын доедал мороженое и исподлобья бросал на нее удивленные взгляды.

– Я подумал, что возвращаться вам домой не стоит, – обратился к ней Андрей. – Вряд ли вас там ждут хорошие новости. Вот тебе записка и адрес. Идите туда и пока поживете у Елены. У нее пустует комната, и она готова ее недорого сдать. Очень недорого. Ей одиноко одной, потому и сдает. Я сегодня же кое-что сделаю, чтобы Мамед от вас отстал, а завтра попробую договориться насчет работы для тебя. Как насчет того, чтобы поработать на церковном лотке? Я знаю, там нужны надежные, честные продавцы.

– За что... ты так к нам... относишься? Я так не привыкла... – снова слезы выступили из-под длинных ресниц ее опущенных глаз.

– За то, что вы этого заслуживаете. Ты уже достаточно на-

страдалась. У тебя хороший сынишка, – Андрей взъерошил нечесанные волосы мальчика. – Как только я его увидел, уже примерно знал, что будет дальше. Знал, что будет. Так ты на церковном лотке готова поработать? Не подведешь меня?

– Я для тебя... Хоть где, хоть кем...

– Да что же ты все сырость разводишь? – Андрей, улыбаясь, протянул ей платок. – Ну-ну... теперь все будет хорошо!

Гость из прошлого

Дозвониться до Владимира Ивановича удалось только поздно вечером.

– А я собаку свою выгуливал, – объяснил он свое отсутствие.

– Владимир Иванович, вы Мамеда знаете?

– С вокзала, что ли? Отморозок он. Но кормит кого-то из больших начальников, потому и держится пока. А что он натворил?

– Убил за долги человека, а теперь заставляет его вдову отрабатывать долг проституцией. Из квартиры ее выгнал, за долги отобрал.

– Я ж сказал, отморозок! Как девчонку-то зовут?

– Мария.

– Через полчаса перезвоню.

Андрей взял молитвослов и стал читать молитвы перед иконой Богородицы. Снова звякнул телефон. Из трубки раздался хриловатый басок:

– Ты знаешь, Андрей, не хочет он с ней расставаться. Влюбился, говорит, жениться на ней собрался. Говорит, что она спрятала деньги мужа в кубышку, потому он и заставил ее отрабатывать. Я ему предложил выкуп, так он такую сумму назвал, что много пудов потянет. Вот что я понял. Этот душегуб и деньги возьмет, и от девчонки не отстанет. Так что

ты ее пока припрячь надежно. Мне нужно пару деньков, чтобы его уговорить. Есть кое-какие завязки. Так что будь пока.

Андрей позвонил Елене, узнал, как там устроились его протеже. Елена не скрывала, что она им обрадовалась. Уже отмыла их в ванной и сейчас кормит. Андрей подозвал к телефону Машу и предупредил ее, чтобы из дома два дня не выходила. Та все поняла и обещала сидеть, как мышка.

Снова зазвонил телефон. На этот раз слышно было плохо. Сквозь треск и шорох с трудом долетал знакомый тенор с прибалтийским акцентом:

– Андрей, это ты?

– Я, Гинтас. Ты из машины?

– Да, я сейчас в Голландии, грузу сэконд-хэнд. Слушай меня внимательно! Я хочу, чтобы ты снял в аренду торговую площадь и готовился принять товар.

– Хоти дальше, я не против.

– Эй, ты что, про долг забыл?

– Гинтас, ты же прекрасно знаешь, что долг – это одно, а шантаж – другое. Если бы я тебе хоть два цента задолжал, ты бы из меня их еще три года назад или вытряс бы, или пристрелил. Разве не так?

– Так, понял! Нужно встретиться.

– Бесполезно. Работать с тобой я не собираюсь. А если приедешь сюда и будешь шуметь, то через полчаса в камере окажешься.

– Нужно встретиться.

– Прощай!

Прибалты три года назад вышли на него через друзей из Саратова. Волжане собирали по селам коровью кожу и продавали через прибалтов в Голландию. Назад везли спиртное и продавали через своих знакомых в Москве и в других крупных городах. Андрей тогда работал в бригаде с «гвардейцами», но его потянуло на крупные заработки.

Саратовцы ездили на новеньких иномарках, купили квартиры, строили загородные дома. Жена Андрея, узнавшая о заработках друзей, настойчиво «пилила» его и требовала того же. Андрей решил попробовать. Друзья ведь ему предлагали работу, а не просто люди с улицы. Продал Андрей с десятков фур спиртного, заработал первые несколько тысяч долларов, вроде бы дело наладилось. Но вот в один не очень прекрасный день рынок спиртным затоварился. Перед праздником завезли его слишком много, поэтому розничная торговля в какой-то момент сначала снизила цену, потом стала и вовсе отказываться от товара.

Андрей каждый день сообщал Гинтасу о положении на рынке, требовал снизить цену, но тот повел себя странно. Сначала настаивал на договорной цене, потом стал угрожать, а когда Андрей отказался с ним дальше работать и предложил забрать весь товар со складов, под нажимом обстоятельств согласился снизить цену.

Только было уже поздно. Тогда Андрей предложил отвезти товар в Ярославль, откуда ему поступили заявки. Съез-

дил туда, заключил выгодный договор. Гинтасу же сказал, что никаких гарантий, кроме договора, нет. Людей этих он не знает, ярославский Слава хоть и производит впечатление честного человека, но... Так что может понадобится контроль службы безопасности.

Гинтас потребовал везти срочно и все отдать на склад в Ярославле, а уж контроль и возможное выколачивание долгов он возьмет на себя. Андрей собрал все спиртное со своих складов и на четырех фурах отвез в Ярославль. Через две недели оттуда позвонил Слава и сообщил, что цены у них поползли вниз, и просил снизить стоимость. Гинтас снова запретил. Андрей напомнил ему московскую затяжку и снова потребовал снижения цен для срочной продажи. Снова отказ. Андрей тогда передал договоры Гинтасу и сказал, что работать с таким жадным тврдолобом он отказывается. Гинтас поднял долю Андрея в два раза и познакомил его со своим Капитаном. К морю этот человек отношения не имел, но синих звезд и якорей на его коже действительно имелось множество.

Кончилось все тем, что Капитан выбил у Славы половину суммы долга и растворился на просторах страны. А всю стоимость ярославского товара повесили на Андрея, о чем объявили ему семеро бандитов, ввалившихся в его квартиру. Еще они добавили, чтобы он готовил свою квартиру к продаже, а то они очень беспокоятся о здоровье его красавицы-жены. А один, самый истеричный, все кричал, что обяза-

тельно лично его зарежет.

Гинтаса Андрей нашел по телефону в Саратове и вылетел туда на разговор. Друзья вдруг хором отказали ему в помощи и посоветовали выкручиваться самому. Погашать долг за Андрея своей недвижимостью они не желали. Только жена одного из его друзей, подруга жены, через которую он с ними познакомился, пошла на переговоры с Андреем и там поддержала его своим заступничеством: «Я его привела, с ним меня и казните!»

Андрей сказал Гинтасу, что он написал заявление в РУ-ОП и описал там все операции с контрабандой с приложением всех телефонов и адресов фигурантов. Заявление лежит у его соседа, начальника отделения милиции, который ждет его команды пустить бумагу в дело. И если он не вернется завтра самолетом, то тоже запустит. Это подействовало, и от него отступились. Три года Гинтас его не беспокоил, и вот появился снова.

Одно Андрей знал точно, что работать с Гинтасом он не будет. Но страх за бывшую жену, которую могли привлечь на сцену в роли заложницы, у Андрея появился.

Подумав хорошенько, Андрей решил завтра идти в храм. А эту ночь он провел в молитве.

Утром в одном из храмов рядом с Тверской он заказал молебен о здравии Георгия – так он именовал своего обидчика, крещенного в католической вере. Исповедался, выстояв очередь среди интеллигентных пожилых людей. Отстоял ли-

тургию перед иконой Богородицы «Взыскание погибших».

Икона эта издавна творила чудеса. К ней приходили девушки просить жениха – и знакомились через несколько дней с приличным юношей. Вдовы после молитв перед иконой спустя некоторое время просили у батюшки благословение на повторный брак. Совсем уже потерявшие надежду люди, погибающие в грехах, обретали здесь покой и утешение.

Встреча с этой иконой для Андрея всегда знаменовала какой-то серьезный новый этап жизни. И вот сегодня, стоя перед дивным образом, искрящимся золотистым окладом, он снова видел живой лик Царицы Небесной, снова испытывал высокий трепет перед святыней, и все его проблемы удалились и рассыпались в прах. Он снова получил заряд духовной силы и чувство полной безопасности.

И даже уличная толчея, тысячи чадающих угаром машин и больные облезлые деревья не смогли снизить того счастливостояния, которым звенела и сияла его очищенная душа.

Он смотрел на лица людей и жалел их: совсем пропали улыбки, зато напряженные и даже злобные гримасы все чаще застывали на лицах прохожих. Как же они обделяют себя этим пленом мира видимого и тленного! Неужели никогда не будет им доступна эта чистая радость общения со святостью?

Ну, вот ты, красавица, свысока взирающая на окружающих недомерков ледяным взором красивых мертвых глаз,

неужто тебе нравится вот это состояние вялотекущей ненависти и злобы? А скоро ты будешь улыбаться и лгать, продаваться и предлагать себя тем несчастным больным людям, которых ты по своему искореженному представлению считаешь себя достойными. Красивая дорогая игрушка в руках мнимых хозяев тленного, обреченного на погибель мира. О, если бы ты смогла увидеть свое настоящее лицо, с каким ты родилась в этот мир из рук Создателя! Ты мечтаешь о великой любви, а где и среди кого ты ее ищешь? Нет по твоим адресам не то что любви, но даже простенького сочувствия. Неужели не дрогнет твое заледеневшее сердце, когда ты проходишь мимо добрых людей, способных одарить тебя истинными драгоценностями? Неужели не тянет зайти в храм, где истинная любовь пребывает и животворит, очищает и освобождает от плена лжи в царство истины вечной!?

А ты, вылезавший из спортивной машины с трубкой сотового телефона в руке, любующийся своим крутым имиджем в отражениях витрин и автомобильного лака, не боишься ли ты остаться наедине с собой в пугающей тишине, чтобы убедиться в душевной пустоте? Что дали тебе твои многочисленные игры и игрушки? Однаво живем... Главное – не думать о последнем часе. Плыть, пока на поверхности, неизвестно куда.

О, несчастный обманутый мир, как ты себя обделяешь!.. Господи, будь же милостив к этим несчастным жертвам самообмана! По великой милости Твоей прости им, ибо не ве-

дают, что творят!

Любовь его и жалость нарождались в глубине души и изобильно изливались на толпы и потоки людей, словно солнечные лучи сыпались на замерзших и ослепших в темноте. Он жалел их – и ему хотелось плакать о них. Он любил их – и любовь затопляла собою все их темные фигуры, заливая светом всех и каждого. Знали они об этом? Чувствовали? Это не важно! Главное – вот это самое таинственное рождение и излияние... Не от мира сего. Счастливое и чистое.

Дома Андрея ждала веселая компания. За распахнутой дверью в комнате Светы за столом сидели раскрасневшаяся хозяйка и шумный усатый горец. Света подхватила Андрея под руку и насильно притащила к столу. Да, сын гор не поскупился: бутылки вина, цветы, салаты в пластмассовых коробках из универсама, копченая курица, балык, сервелат и семга... и прочая, и прочая еда и напитки.

– Это он все для меня! – гордо провозгласила Света. – Ничего для меня не жалеет. Вот это мужчина!

– Я для Светы все сделаю. Она у меня царицей будет! – подтвердил горец, выпучив черные глаза. – Садысь, кушай, вино пей. Если ты сосед Светы, ты мой друг!

– Приятного аппетита, господа-товарищи, но я зашел домой поработать на телефоне. У меня рабочий день. Простите меня, – мягко, но настойчиво сказал Андрей и вышел.

«Ох, Света!» – покачал он головой, плотно закрыв дверь

своей комнаты.

Взял он график поставки, карандаш и сел за телефон. Через пару часов в паузу частыми звонками ворвался межгород.

– Андрей? Это Гадеминас! У нас тут все срывается! Мы к тебе не приедем.

Голос с прибалтийским акцентом звучал сквозь шум и потрескивание радиопомех. Андрей некоторое время припоминал, кто это такой. Потом вспомнил: помощник Гинтаса.

– Да я вас и не ждал. И Гинтасу об этом ясно сказал.

– В больнице Гинтас, – потерянно бросил собеседник. – Инфаркт у него. Врач сказал, что может умереть совсем. Он тут команду собирал ехать в Москву с кем-то разбираться. Не знаю, как он там договаривался, только они теперь у меня деньги требуют. А у меня все в товар вложено. Может, Гинтас тебе сказал, что мы секонд-хэнд вам хотели отправить. Теперь все срывается, денег даже на дорогу нет. Буду товар здесь продавать, чтобы хоть часть денег вернуть. Так что нас не жди. Пока!

Андрей положил трубку и взял чистый лист бумаги. Написал «Гинтас», затем ниже: «звонок Андрею», «отказ», «команда для разборки», «молитва», «инфаркт», «наезд команды на заказчика», «денежные трудности», «отбой». Андрей увидел перед собой схему. Вот так, по такой схеме снова Господь явил ему Свою милость и заступничество.

Молитва благодарности хлынула из сердца. Он самозаб-

венно отдался этой светлой силе.

...Но что-то еще нарождалось в той глубине.

И когда молитва завершилась, вместо благодатной радости в сердце ознобным холодом стала расти и крепнуть гордая мысль: «Какую силу имеет моя молитва! Да я теперь кого угодно по стенке размажу. Ну, кто там еще, подходи!»

«Я же, грешный монах, буду мостить тебе твой путь своей молитвой» – оглушающе-тихо прозвучало в голове. «Старец все это время молился за меня. Старец! При чем здесь я?..»

Он потянулся к молитвослову, нашел молитву Сергию Радонежскому от нападков гордости и стал ее медленно, вслушиваясь в каждое слово, читать: «...Не отступай от нас духом, сохраняя от стрел вражиих и всякия прелести бесовския и козней диавольских, пастырю наш добрый...»

После молитвы заставил себя положить поклоны.

Затем стал размышлять. «Кто я и откуда? Немощный человечешко, во грехе рожденный. Господом одушевленный и вызванный из небытия Его непостижимым замыслом.

Что я могу сам, кроме как погружаться в омут греха? Шага не ступаю без греха, вздоха безгрешного не могу сделать. Если и есть во мне что хорошее, то не мое это приобретение, но от Господа моего. Если дается мне некая сила, то за нее и спросится в тысячу раз больше, чем с немощного. Если и вознаграждаюсь я крохами благодати с Господнего стола, то только лишь, чтобы совсем не впасть в уныние, и для подкрепления слабеющей во грехе души.

Вот мне и показана немощь моя: со страху обратился к молитвам, по милости получил просимое и тут же впал в обольщение лукавым! Я! Мое! Страх животный – твой. Грех сребролюбия, к этому страху приведший, – тоже твой! Где тут твоя заслуга, смерд?

И только теперь вспомнил, по чьим молитвам получил ты свои удачи. Хам неблагодарный. Старец, отказавшийся от прелестей земных, молитвенник за всю землю Русскую, каждый день входящий в общение с Небесами. Десятки лет умертвлявший в себе перстное, земное, греховное. Подвигами своими живущий на пути от земли к Небу. Его молитвы, а не твои сотрясения воздуха. Его чистая душа, потоками слез умытая!.. Прости меня, Господи, гордого, никчемного, грешного, смертного! Не оставь меня ни на миг. Ничего без Тебя не могу!»

Поздно ночью услышал Андрей грохот входной двери. В его дверь постучались. Он открыл. Света позвала его на кухню.

– Ну, как тебе мой новый ухажер?

– Кто он? – устало поинтересовался он.

– Охранник на рынке. Царицей, говорит, сделаю! Не то что мой пьянчужка.

– Светик!.. Твой, как ты изволила выразиться, «пьянчужка» – муж твой перед Господом! Имеешь ты такого, какого заслужила по своим грехам и добродетелям. Ты любить его обязана, а не гонять из дома. Вот когда ты вернешь его и смо-

жешь восстановить вашу любовь, только тогда ты станешь счастливой и Богом любимой. Прошу тебя, подумай об этом.

– Вот еще! Да этот Хоттабыч для меня все, что хочешь, сделает! Он любит меня!

– Уверен, что этот предаст тебя при первом удобном случае. Ты для него даже не человек. Игрушка живая. Когда на-тешится – выбросит. И не говори потом, что тебя не пре-ду-преждали.

– Замолчи, замолчи, я все равно не слушаю! – замотала она головой.

Дача

В ближайшую пятницу после ликвидации попытки покушения Юрий заехал за братом и повез его на дачу. Как только Андрей пристроил свою сумку в обширном багажнике и сел справа от брата, Юрий сунул ему газету со статьей о покушении. Андрей прочел ее внимательно и произнес только: «Значит, подействовало». В это время Юрий выруливал на трассу, забитую машинами, и ругал какого-то «чайника», подрезавшего его справа. Когда они вырвались на загородное шоссе и «Ауди» стремительно и почти бесшумно понеслась по левому ряду прочь от городской суеты, Юрий оживился, обмяк и даже с улыбкой шлепнул брата по плечу:

– Вот так! Мы им еще покажем, у кого козырь старше.

– Не сомневаюсь... – откликнулся Андрей, любуясь легкими перистыми облаками, следующими за машиной по голубому небу над лесом, обступающим трассу лесом.

– А ты знаешь, что моя хозяйка пригласила свою кузину. Так что скучно тебе не будет. Впрочем, что это я? Тебе же скучно не бывает, я и забыл.

– Это точно. Всегда есть о чем поразмыслить. Одна проблема – найти покой.

С Аленой, двоюродной сестрой Юриной жены, Андрей однажды уже имел беседу, которая надолго обострила отношения Андрея с его ревнивой супругой.

Девушка сия из нового «поколения любителей пепси» не признавала авторитеты и традиции, ломала напролом своей мужской логикой, не выходя при этом из образа ласкового мурлыкающего котенка. Работала девушка журналисткой в шумной газете, и это сказалось не только на ее независимом статусе и поведении, но и на манере вести себя с людьми. Судя по тому, как беззастенчиво Алена разглядывала фигуру Андрея, она была не против предложить свою кандидатуру в качестве альтернативной подруги. После развода с женой Андрей с Аленой еще не виделся. Уж, конечно, девушка обрадуется вакансии, подумал Андрей.

А вот и поворот на узкую дорогу, ведущую через два поста охраны к даче. Через несколько минут машина въехала в распахнувшиеся ворота и замерла перед въездом в гараж. Андрей вышел наружу, хлопнул дверцей и прислушался к навалившейся тишине. Это первое впечатление после шума и суеты города всегда его ошеломяло. Зная это, брат не приставал к нему с разгрузкой багажа, выставляя из багажника сумки тихо, без суеты. Андрей прошелся в сторону высоких охристых сосен, обступивших двухэтажный дом. Жадно слушал щебетанье птичек и вдыхал аромат разогретой солнцем хвои.

На этой даче не выращивали овощей. Кроме цветов здесь лишь высокая кустистая малина посажена руками хозяев. А основное богатство – вот эти вековые мачтовые сосны, подпирающие стрельчатыми кронами высокое небо.

– Девчонки, наверное, на речке. Может, и мы сразу искупнемся? – предложил Юрий, открывая ключом дверь дома.

– Конечно, – отозвался созерцатель.

На песчаном берегу реки с широкой запрудой для купания, крашеными лавочками и кабинками для переодевания играли в волейбол, бадминтон, загорали и читали в шезлонгах с полсотни загорелых дачников.

Братья отыскали трех своих «девчонок» и подсели к ним на громадную махровую простыню. В центре этой черной подстилки красовалась большущая долларовая купюра с портретом президента. Вот на улыбающийся рот этого портрета и устроил свои откормленные чресла Юра.

Дамы подняли шум и засыпали их вопросами. Андрей приветствовал их, подхватил на руки свою любимую племянницу и понес ее к воде. В своем желтом купальнике на худеньком загорелом тельце Иришка напоминала тощего цыпленка. Она смело прыгнула в воду и, резво перебирая ручками, поплыла в плеске и брызгах на глубину. Дядя догнал ее и подставил под ее животик свою руку, поддерживая начинающую пловчиху. Когда она продемонстрировала свои успехи в плавании, они предались излюбленному занятию: стоя по грудь в воде, брызгались и, жмурясь и отплевываясь, звонко смеялись. Нахлебавшись воды и вдоволь нашалившись, они доползли до лежища и рухнули на простыню, подставив заходящему теплему солнцу спины.

– Ну все, друзья сошлись – обо всех забыли, – улыбнулась

из-под солнечных очков Лида, мать девочки и жена Юры.

– Дядя Андрей, правда, я уже научилась плавать? – звонко похвастала Иришка.

– Да, Ирина Юрьевна, вы определенно делаете успехи! – лениво откликнулся разомлевший от жары дядя.

– Когда же и мы, недостойные, дождемся вашего внимания? – промяукала Алена из-под широченных полей соломенной шляпки. Из широкого своего арсенала она выбрала позу задумчиво сидящей копенгагенской русалочки, по ее мнению, максимально выгодно и по возможности скромно демонстрирующую изящные лекала ее фигурки. Купальник и головной убор тоже, вероятно, тщательно выбирались на совместном заседании-штабе по разработке операции.

– В порядке очереди, господа-товарищи, как говорится, все лучшее – детям... Ириш, ты согрелась? Пойдем, побродим по лесу.

– Пойдем! – девочка резво вскочила. – Я уже грибы собирала, набрала больше сотни белых, вот!

– Надевай шлепки, фантазерка.

Андрей совсем не был готов к разговору с Аленой и решил его отложить.

...Под их подошвами пушистый ковер из разогретой душистой желто-коричневой хвои мягко прогибался и пружинил. По лесу носились и ошалело перекликались птицы. Комаров в этих местах не водилось: за этим следили соответствующие службы. Во время прогулки Иришка выложила

все новости своей дачной жизни: и про соседскую кусачую собаку, и про зеленую лягушку, и про грибы, а в конце вдруг спросила:

– Дядя Андрей, тебе Алена нравится?

– А почему она должна мне нравиться? – удивился тот.

– Ну, как же, она ведь красивая, – совсем уже дамским тоном аргументировал ребенок.

– И она первая, кто об этом знает, – проворчал он себе под нос, а ребенку сказал уже громко: – Красота, милая девочка, на моей памяти еще никому не приносила счастья. Совсем, даже наоборот.

– А я буду красивой?

– Будешь обязательно, только никогда не хвастай этим. Вот немного подрастешь, и мы с тобой обязательно вернемся к этой теме. А пока радуйся, что ты маленькая и все тебя любят. Не торопись взрослеть.

Но вот они завершили свою прогулку и вернулись к реке. На том же портретном месте президентской простыни, подставив холеное округлое тело последним лучам розовеющего солнышка, сидел один Юрий и рассеянно глазел вокруг.

– Я отправил дам готовить ужин.

– Это правильно.

После шумного ужина с обменом новостями и сплетнями Алена все-таки утащила Андрея на кухню для допроса. Она устроилась с ногами на диванном уголке, старательно повторив пляжную позицию, и промяукала:

– Говорят, у тебя произошли некоторые изменения. Может, расскажешь?

– О каких тебе известно?

– Ну, говорят, что ты в религию ударился...

– Скажем так: я долго искал истину и пришел к ней.

– Ты считаешь теперь, что истина в религии?

– Господь есть истина.

– Ой, что-то не верится мне в такие резкие перемены.

– Почему резкие? Я лет двадцать шел к этому, всегда хотел понять смысл жизни. И вот нашел. Тут недавно среди своих записей разыскал стихи и рассказы, написанные еще в пятнадцать-семнадцать лет. Так вот, темы все те же: неприятие мещанства, мысли о вечности, стремление к небесным тайнам, рассуждения о монашестве, желание любви, высоких отношений. Так что никаких революций. Я недавно понял, что для обретения веры нужны две основные вещи: во-первых, стремление к правде, во-вторых, просто быть честным.

– Ну, и что дала тебе твоя истина? – в голос Алены пропали кошачьи интонации.

– То, что все ищут в этой жизни: покой, уверенность, защищенность, смысл земного пути.

– Слушай, если бы меня не подготовили добрые люди, я бы подумала, что ты свихнулся, – прошептала девушка, внимательно всматриваясь в спокойное лицо Андрея.

– Даже если бы и подумала – не страшно, – улыбнулся

он. – Христианство – «соблазн для иудеев, для эллинов – безумие». Сейчас я считаю, что безумием были мои атеистические взгляды. Я только сейчас жить-то начал! Только сейчас смог разобраться в том, что творится вокруг и со мной. Стоит принять истину – и все проясняется. Видны причины и следствия как вселенских событий, так и твоих собственных делишек. И нет уже беспричинного хаоса, есть проявление Божественной воли.

– А не считаешь ли ты, что эта твоя истина может стать очередным твоим тупиком?

– Дело в том, что истину я не просто принял умом, как какую-то философскую концепцию. Я живу в ней. Я читал у кого-то из святых отцов, что маловерие – это на первых порах нормально. Вера укрепляется по мере прохождения кругов, циклов, что ли, церковной жизни. Это напоминает копилку. Каждая молитва, каждый поклон, каждая служба накапливают в нас веру и... разбивает стену нашей гордыни и тем самым дает возможность Господней благодати входить в наши души.

– Но разве не то же самое и в других религиях?

– Смирение, уничтожение гордыни, постоянная борьба с нею, насколько я знаю, только в Православии. А по смирению – и плоды... Нигде нет столько святых и чудес, нигде Господь так не близок, как у православных. И нигде так не наказывает за предательство и отступничество. «Кого люблю, того и наказываю!» Скажу больше! На свете есть только

одна религия, одна Церковь – Православная.

– А разве служители Церкви такие уж безгрешные?

– Священники тоже люди. И как все люди – грешные. Но священство – это ведь не талант, хотя очень немало священников талантливых. Священство передается от одного к другому. А первые священники – апостолы – приняли благодать от Самого основателя Церкви – Иисуса Христа. Вот так по цепочке от одного к другому передается эта благодать, непрерывно от Самого Господа. И не так уж важно, каков человек священник, все равно благодать передается от него каждому приходящему верующему. И опять же от веры нашей и смирения зависит, сколько мы сможем принять этой благодати.

– Значит, даже если от священника разит перегаром и живот свисает до колен – через него передается благодать?

– Безусловно! Здесь необходимо научиться разделять человеческое и Божественное. Как Церковь – это тело Христово в первую очередь, а потом уж и все мы, грешные. Так и человек – это сначала дух его, Богом сотворенный, а потом уж и тело греховное с душой искушаемой. Сначала узри Божье, а потом борись с греховным и тленным. Как нет Церкви без Христа, так и нет человека без Божиего духа.

– Как-то все это сложно пока для меня... – растерянно потерла она наморщенный лоб, довольно широкий. – А вот этот язык, церковнославянский? Половины слов современному человеку не понять. Когда, например, я услышала од-

нажды слова молитвы, там меня насторожило слово «иже»: «Отче наш, Иже еси на небесех»... Помню, подумала: как же так? В тексте молитвы будто заложено сомнение, ведь слово «иже» воспринимается как «ежели».

– Но все-таки ты, наверное, уже поняла, что это два разных слова и, конечно, никакого сомнения у Иисуса Христа в существовании Бога Отца не может быть. Я думаю, что тебе как журналистке ближе всего понимание необходимости церковнославянского языка. В этом языке нет ругательств, он по-детски чист и очень сильно оберегает чистоту церковных Таинств от внедрения пошлости современного... даже не языка, а сленга русско-советско-одесско-американского. Или вот вспомни такие слова, как «конец», «поймать», «хотеть», «переспать» и прочие. Какое пошлое и двусмысленное значение они в себе несут, как вот это загаживает и язык, и отношения между людьми. Почему, когда мы читаем романы прошлых лет, то французскую речь аристократии мы воспринимаем нормально? Помню, как в школе меня учили, что этим баре защищали свои разговоры от прослушивания их простолюдинами. Почему же мы не можем признать нормальным, что Церковь защищает свою чистоту языком наших предков? Да и это уже не просто язык, это – как бы проторенная дорожка. Через его смиренное принятие в Царство Небесное благодаря Церкви, дышащей этим языком, уже взошли миллионы людей.

– Да, это, пожалуй, мне понятно. Наш, как ты говоришь,

сленг, особенно бульварно-газетный, лично меня иногда доводит до тошноты. И русскому человеку полюбить и почувствовать некую заповедную прелесть церковнославянского языка – это нормально. Ну, хорошо, а как изменился твой образ жизни? Грешить совсем перестал? – снова в ее интонации появилась лукавинка.

– Меняюсь. Постоянно меняюсь. Когда готовишься к исповеди, пишешь на листок все свои грехи. А потом их надо священнику все перечислить. И не дай Бог какой-нибудь замолчать... Тогда вся исповедь не будет принята. Это ведь священника можно обмануть, а Того, именем Которого он, грешный иерей, отпускает грехи, – уже не обманешь. Когда я сначала ознакомился с перечнем грехов (вроде расшифровки каждого смертного греха), я просто ужаснулся! Да мы шага безгрешно не ступаем. Все наше мирское поведение соткано из греха. Но кто ощутил себя грязным, тот уже стремится отмыться. Это становится потребностью...

– Значит, сейчас ты на меня смотришь как на грязную... Ой, позор-то какой! – лицедейски возгласила она, но ноги на пол опустила и юбку одернула.

– Не волнуйся, все не так уж трагично, – мягко улыбнулся Андрей. – Грех – это болезнь души. Ну, не перестает же мать любить своего ребенка только потому, что он заболел. Она лечит его.

– А ты будешь меня лечить? – уже без своего обычного мяукающего кокетства совсем по-детски спросила она.

– Если только ты сама этого захочешь.

– Андрей... Андрюш, ты простишь меня? – жалобно и тихо пропищала она.

– Прощу... Давай, признавайся! – снова улыбнулся он.

– А я ведь тебя прикадрить хотела... – прошептала она, спрятав глаза.

– А я знаю.

– Ты простишь? – робко подняла она потемневшие глаза.

– Уже простил. Я когда-нибудь расскажу тебе, чем христианское отношение к людям отличается от языческого.

– Почему не сейчас? Мне уже интересно.

– Сначала пусть в тебе уляжется то, что мы тут с тобой говорили. Все это очень серьезно и непросто. Хоть и звучит довольно обыденно на первый взгляд. Да и спать уже пора – ночь на дворе.

Они разошлись по комнатам. Андрей повесил на восточную стену свою походную икону-складень, встал на колени...

Утро началось со звонкого крика Иришки: «Дядя Андрей! Пойдем купаться!» Андрей потянулся к часам – всего семь. Ну да, ребенок привык к восьми часам приходиться в детсад. Мама пробовала утихомирить дочку, но она уже вприпрыжку бегала по двору с мячом и громко смеялась солнышку, небу, цветам и всем-всем.

Через полчаса все жильцы дома спустились в просторную столовую, где большой стол был накрыт к завтраку. Неуго-

монная Лида успела наготовить в такую рань столько всякой всячины, будто всю ночь не ложилась.

– Ну, зачем же столько всего? – урчал Андрей, запивая горячий бутерброд кофе.

– Я всегда говорил ей, что с утра организм еще не проснулся и его нельзя насиловать, – вторил ему Юрий, додая вторую тарелку овсянки с джемом.

– Скромнее надо жить, господа, – с набитым омлетом ртом пыталась возмутиться Алена.

– А мне нравится! – прозвенела Иришка, вылизывая остатки домашнего йогурта из вазочки.

– Кофе, чай: зеленый, черный, красный? Может, сыра? У меня «Адыгейский», брынза, «Эмменталь»... – не унималась хозяйка.

После завтрака Юрий провел брата в свой кабинет. Никто, кроме хозяина, входить сюда не имел права. Даже уборку помещения делал он сам. Кабинет представлял собой просторную комнату, оснащенную компьютерами, телефонами, факсами; стены заставлены стеллажами с книгами на все случаи жизни, украшены картинами, в углу тихо журчал струями фонтанчик; имелись здесь и телевизионная видеодвойка с музыкальным центром.

Андрей сел в удобное кожаное кресло напротив хозяина и спросил:

– Ну, и что ты думаешь о последних событиях?

– На этот раз я сумел избежать покушения... чудом. Если

бы не заметил блеск окуляров бинокля, если бы не профессионализм охраны... Но самое печальное то, что я испытал настоящий страх.

– Ты знаешь, я сначала думал смолчать... – задумчиво протянул Андрей. – Ну, помня наш последний бестолковый разговор. Но, во-первых, возможны рецидивы, во-вторых, мало ли где я могу оказаться, в-третьих, стрессы заставляют смотреть на привычные вещи трезвее, что ли. Поэтому решил все же рассказать тебе кое-что. Только прошу выслушать до конца.

Неприятности, беды, болезни человеку даются для того, чтобы в своей суете он не забывал о том, что есть силы, которые реально правят этим миром.

Человек создан Богом. Создан для того, чтобы быть царем тварного мира. Чтобы воссоединять мир тварный с Богом. После грехопадения Адама человек повредился в своей природе, в него вошел грех, а вместе с ним и смерть. Каждый человек рождается для того, чтобы пройти путь искушений, победить в себе падшего Адама и соединиться со своим Творцом.

Если он поддается искушениям, то он входит в союз с сатаной и увлекается этим изобретателем лжи и мучений в место мучений – преисподнюю, в ад. Если человек ощущает в себе грех и необходимость от него избавиться (ну, скажем, как чистоплотный ощущает грязь на теле, желая ее смыть), то Господь помогает ему в этом.

Ничего не происходит само по себе, как уверяют атеисты. Причиной всему – эта постоянная борьба за человеческую душу сил добра и зла. И человек сам выбирает в каждом отдельном случае: делать добро или зло. Сам выбирает при этом, какие силы будут ему содействовать: ангелы или бесы.

Конечно, нужно научиться отличать грех от добродетели. Часто мы считаем, что делаем добро, а получаем в итоге зло. Как их различать? Тут необходимо знать первоисточник зла. Это гордыня.

Это она ангела света Люцифера превратила в сатану. Все остальные грехи – производные от нее. Каждому надо знать смертные грехи: гордость, блуд, сребролюбие, гнев, чревоугодие, уныние, зависть. Противостоят этому злу смирение, нестяжание, целомудрие, кротость, воздержание, доброжелательство, упование.

Когда Иисус Христос сказал Своим ученикам о том, насколько труден путь в Царство Небесное, они приуныли, и тогда услышали поистине слова Бога: то, что человеку невозможно, то возможно Богу. То есть просите, молитесь, кайтесь – и вам простятся ваши грехи, и будет открыт путь в Царство Небесное.

Теперь о несчастиях. Конечно, с точки зрения человека, его беды – это плохо. Мы их боимся, мы от них спасаемся. Но так устроено в этом мире, что любое несчастье Господь направляет на наше спасение, нам на пользу.

И тут опять перед тобой выбор: или ты против обидчиков

выставляешь свою агрессию, свое зло и тем самым содействуешь его увеличению и своему уничтожению. Или благодаришь Господа за испытание, за напоминание о том, что все, понимаешь – все! – происходит для твоей пользы, во твое спасение, и делаешь то, что и должен делать: обращаешься к Его защите с покаянной молитвой о прощении своих грехов. И если это на твое благо, ты получишь и прощение, и защиту, а уж как это устроится: блеском окуляров бинокля, правильными действиями охраны или еще как – это уже все будет во власти Бога.

Нехорошо говорить об этом, знаю, но делаю это лишь для твоего вразумления, для безопасности твоей и твоих девочек, для твоего спасения, наконец! Молился я за тебя, по моей просьбе молились за тебя монахи монастыря, и это – вот что ты должен знать точно – спасло тебя и твою семью от смерти.

В следующий раз меня может не быть рядом. Тогда уж ты, брат, сам все это будешь делать. Как? Я тебе подскажу.

Когда Андрей говорил, брат молчал, задумчиво оглаживая пухлой пятерней большую загорелую лысину. Хорошо молчал. Не было с его стороны желания оборвать брата и снова объявить все это бредом. Значит, проняло. Значит, не зря.

Юрий засел за дела, а Андрей спустился по винтовой резной лестнице вниз. На кухне все еще убиралась Лида. Что-

то в ее облике остановило его и настойчиво заставило войти.

– Сестричка, с тобой можно поговорить?

– Конечно, Андрюш, я тебе всегда рада, – откликнулась она, продолжая округлыми плавными движениями вытирать полотенцем посуду.

– Я вот смотрю на тебя и чувствую, что в тебе что-то изменилось. Будто у тебя появилась какая-то внутренняя радость, которую ты почему-то хочешь скрыть.

– Радость? – остановилась Лида и замерла. Потом медленно повернулась к собеседнику и, не поднимая улыбочивых глаз, задумчиво с полу-улыбкой напевно произнесла: – Да, ты прав. Это, действительно, радость. Только вот ко времени ли? Столько проблем...

– Хочешь, мы съездим в гости к моим знакомым? – неожиданно для себя предложил он. – Очень хорошая семья. Тебе будет интересно. Давай в понедельник вечером. Ты не против?

– Ладно, давай попробуем. Почему-то думается, что твои затеи только на пользу... Утром позвони, договоримся на вечер.

Андрей вышел на веранду и увидел, как Алена с Иришкой собирают малину. Тетушка рассказывала племяннице какую-то занимательную историю, а Иришка заслушалась и вместо корзинки отправляла ягоды в распахнутый ротик.

Андрей подошел к ним. Присел на корточки перед племянницей. Она взвизгнула и обвила тоненькими ручками его

крепкую шею. От Иришки сладко пахло малиной и чем-то еще детским, молочным. Хрупкий, нежный, слабенький человеческий детеныш... Кажется, вот дунет ветер посильней – и сломает его. Ан нет! Есть кому защитить, кому отвести беду и зло. Чем слабее человек – тем сильнее он против зла. Хорошо обученные дяди с лучшим оружием гибнут один за другим. Они входят в группу наивысшего риска и максимальной смертности. А вот такой нежный комочек жизни – последний, кого достанет зло в этом мире. «Сила Моя совершается в немощи».

Андрей распрямылся – и девочка со звонким смехом повисла на большом и сильном дяде. Вот тут шалунов и «застукала» матушка и позвала дочку домой.

Иришка, надув губки, понуро пошлепала к маме. Алена отставила корзинку и предложила Андрею прогуляться. Ох, знал он, к чему обычно приводят такие променады, но с потаенным вздохом согласился.

Их путь пролегал мимо зеркала озера в просторный сосновый бор. Кто-то уже тщательно пошарил грибные места, оставив аккуратные пеньки срезанных грибов.

Некоторое время они шли молча. Алена все порывалась что-то сказать, набирала воздух в легкие, поднимала на него глаза, но... снова выдыхала и молча шла рядом. Андрей глядел по сторонам, удивлялся своему петляющему в поисках грибов азартному взгляду, слышал эти дыхательные упражнения, но помогать ей не торопился.

– Андрей, я всю ночь не спала, – жалобно пропищала она, наконец. – И поняла, что люблю тебя, вот...

– Я тоже тебя люблю.

– Правда!.. – воскликнула она, но осеклась – слишком буднично это было сказано. И что-то не заключает ее в объятья, не запечатлевает страстного поцелуя на ее устах. Идет себе дальше и глазами рыщет по сухим иголкам и комлям. Вслух же сказала: – Что-то не очень-то верится.

– Почему?

– Ну, как-то не заметно... – потерянно сообщила она, а в голове звенела обида: ну, не буду же я тебе про объятья и поцелуи говорить, чурбан ты, деревянный по пояс... Вслух: – Я ночью несколько раз порывалась пойти к тебе.

– Я знаю. И знаю, что прийти ко мне ты не могла, даже если бы очень захотела.

– Это почему же? – дернула она плечиком.

– Потому что я обращался за помощью именно к тем силам, которые не отпускают.

– Ты издеваешься?

– Совсем нет. Сейчас поясню. У любого мужчины перед Богом только одна жена. Если у меня с этой одной семьи не получилось, то я в этом и виновен. Или я сумею вернуть ее – или буду жить безбрачно. Таково мое решение. А тебя, тем не менее, люблю. Как сестру. Поверь, это выше того, чего хочешь ты. Мы постоянно путаем любовь с похотью. Вот ты сейчас проверь себя. Я объяснил тебе, что со мной никаких

телесных отношений не будет. И сколько после этого в тебе осталось этой твоей любви?

– Нисколько, – буркнула Алена и отвернулась.

– А я тебя люблю еще больше. Потому что теперь ты имеешь на меня обиду, зло, и мне нужно будет больше стараться, чтобы сохранить к тебе прежнее доброе отношение.

– А у меня уже никаких отношений.

– А вот это неправда. Когда обида пройдет, тогда и посмотришь трезвым оком.

Хоть и пытался он говорить спокойно, но острое чувство жалости постоянно росло в нем. Еще совсем недавно он бы поддался этой сладкой волне, которая так и раскачивала его. Еще совсем недавно он бы безумно радовался этому признанию красивой, неглупой, воспитанной девушки. Но сейчас между этой, как говорят, естественной реакцией и его душой, требующей очищения, выросла мощная стена. Такую же он строил и в ее душе своей ночной молитвой. Он знал, как ей сейчас плохо, как вопит ее женское самолюбие, но потакать ее похоти и гордыне он уже не мог. Не имел права.

– Прости меня, Аленушка, я знаю, что тебе сейчас плохо. И я хоть произвольно, но все же виноват в этих твоих переживаниях. И готов загладить свою вину. Я буду тебе не просто братом, а очень хорошим братом. Буду заботиться о тебе, помогать, защищать тебя от врагов. Сопельки тебе вытирать.

Он вынул носовой платок, повертел, проверяя его чисто-

ту, и приложил к ее мокрым глазам.

– А погулять теперь с тобой можно будет? – сквозь слезы и улыбку, всхлипы и вздохи спросила она.

– Не только можно, теперь просто необходимо! Ведь мы брат и сестра, и обязаны отвечать друг за друга. Ну, что – мир?

– Чурбан ты все-таки! И зануда. Такая бы партия получилась... – уже улыбалась она, вытирая покрасневший нос.

– Конечно, чурбан, только в печь не бросай, – покладисто согласился он, зацепил большой палец левой руки за воображаемую жилетку, правую руку выпростал вперед и шутливо провозгласил: – Есть такая партия!

Солнце поднималось все выше. Жаркое марево обволакивало дачный поселок, проникая в каждый уголок дома, под навесы и сень деревьев; густыми слоями нависало над прудом и надувными бассейнами, где плескались дети и собаки. Юрий, поминутно отирая пот с гладких щек, упрямо ковырял лопатой присохшую землю под цветы. Андрей таскал из дома какие-то замысловатые корневища и втыкал их в ямки под руководством Лиды. Алена с Иришкой поливали лейками только что посаженное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.